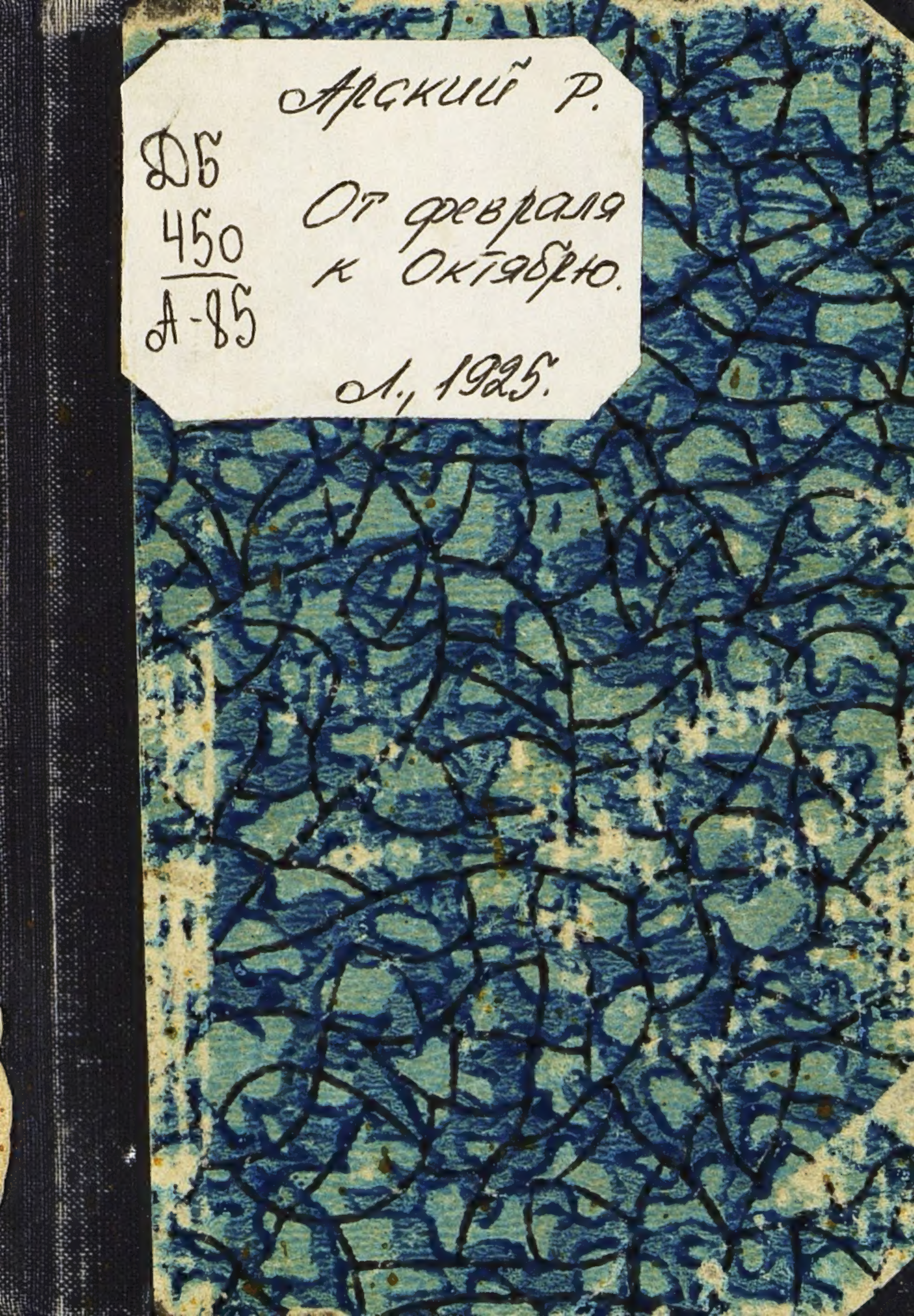
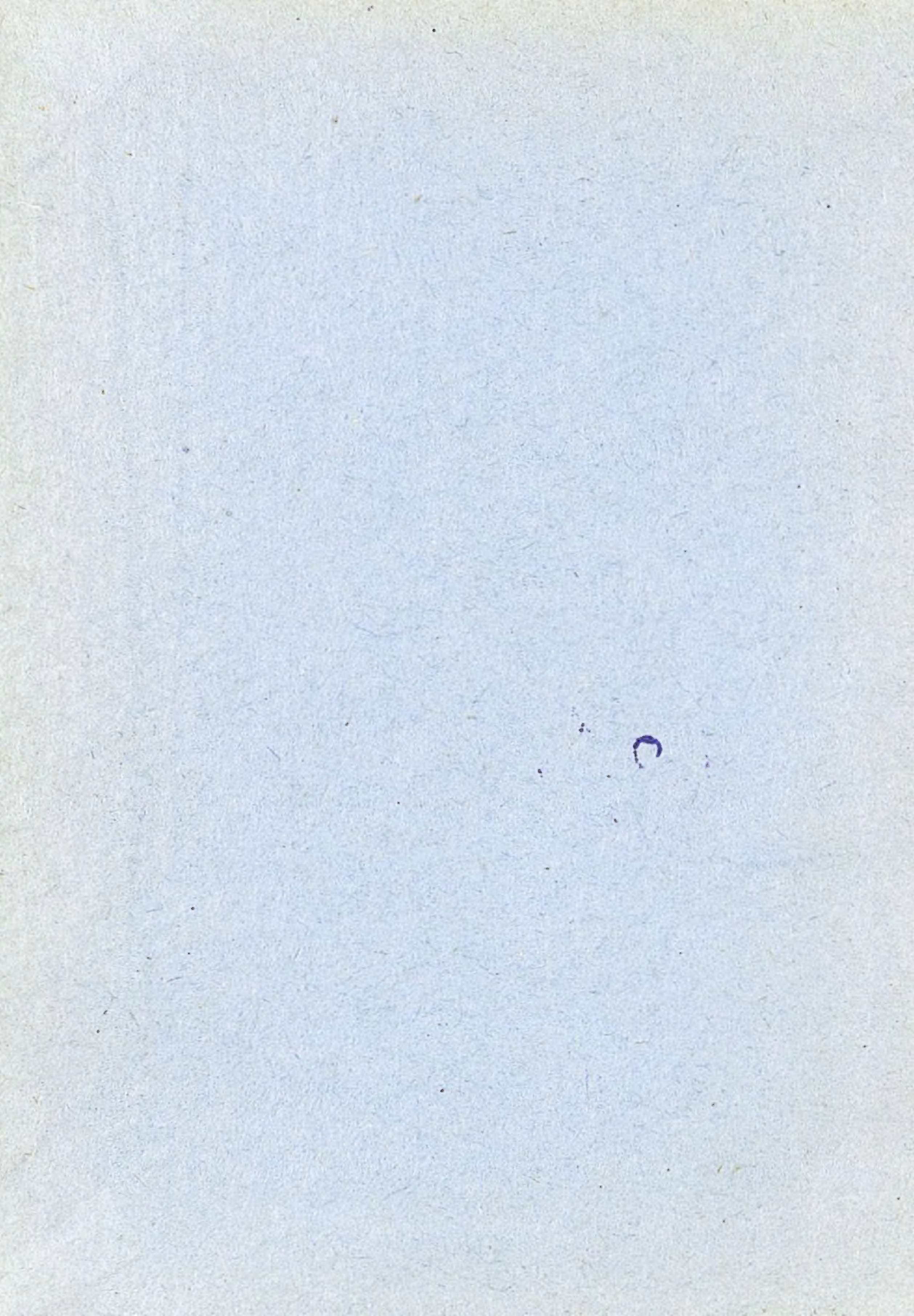
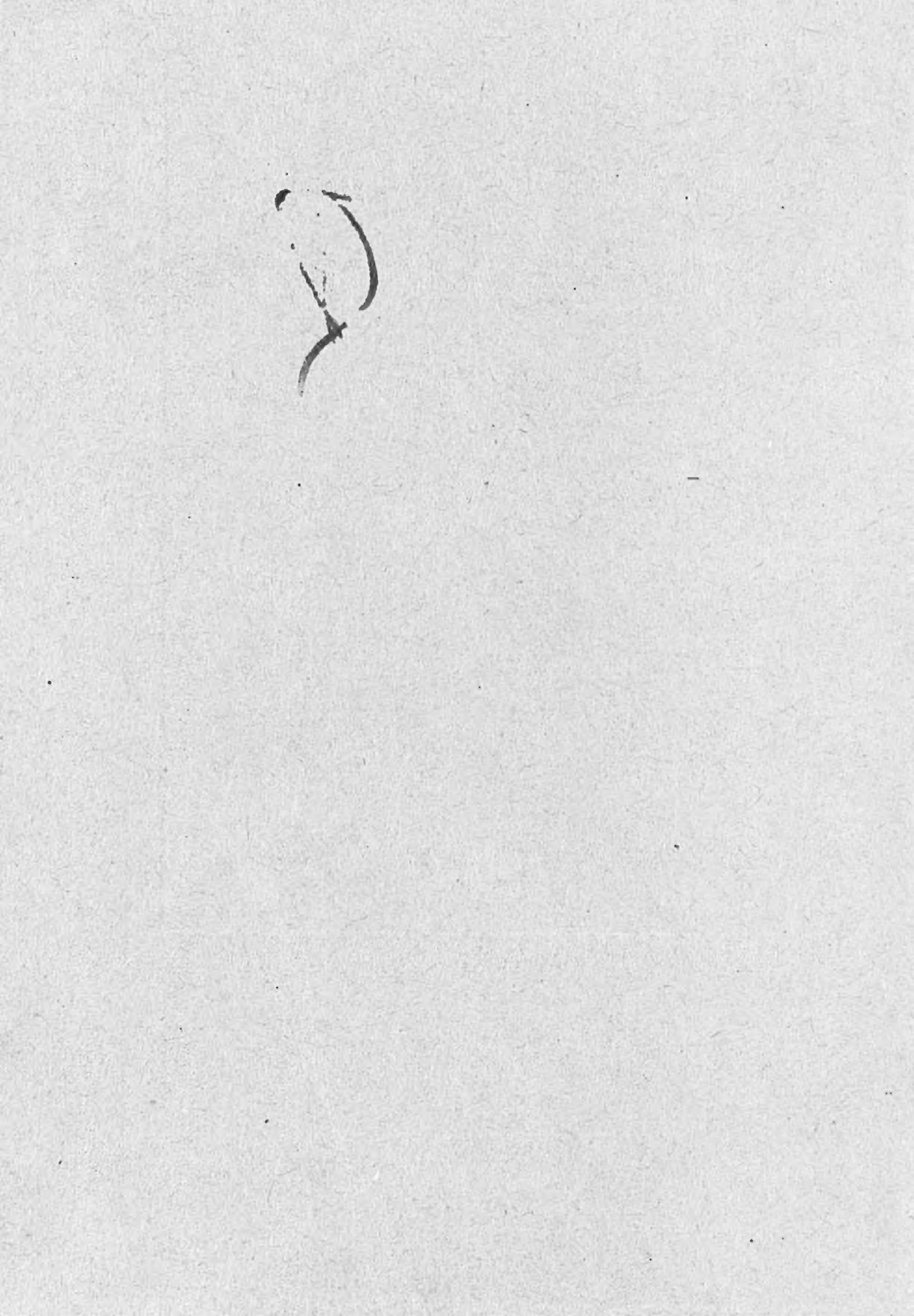


Арский Р.
От февраля к Октябрю.
Л., 1925.





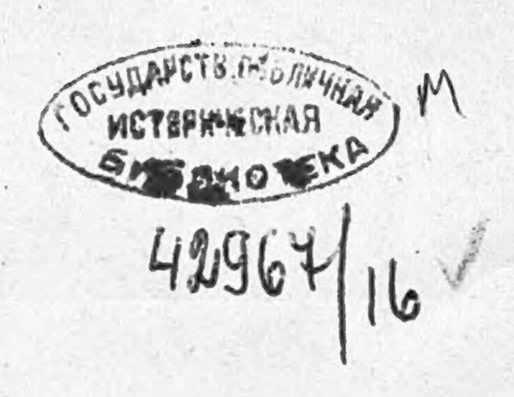
Р. АРСКИЙ

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Изд-во „КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“

ЛЕНИНГРАД — 1925 г.

Типография им. Володарского,
аренд. «Красной Газетой».
Ленинград, Фонтанка, 57.



Ленинградский Гублит № 4036. Тир. 3000 экз.—4.

I.

1905—1914 г.г.

Власть дворян—помещиков.

Февральская революция 1917 года является продолжением революции 1905 года.

К 1905 году выдвинулся целый ряд очень серьезных причин, которые вызвали эту революцию. Большинство общественных классов, имевшихся в России, были недовольны тем политическим и хозяйственным строем, который установился в течение многих десятилетий самодержавного царствования. До революции 1905 года единственным классом, который был вполне удовлетворен существовавшим положением, были помещики. Все остальные классы в той или иной степени были недовольны порядками, существовавшими в России.

Да и как помещикам было быть недовольными, когда вся жизнь для них складывалась чрезвычайно удобно и привольно. Они

обладали крупными поместьями: 700 из них владели каждый свыше 10.000 десятин земли, свыше 13.000 из них имели от 1.000 до 10.000 десятин земли. Это обладание такими значительными участками земли обеспечивало им весьма богатую и приятную жизнь. Они могли делать все, что угодно, покупали великолепные дворцы заграницей, жили весело, богато и привольно. Мало того, все они пользовались значительными влиянием при царском дворе. Николай Романов и вся его семья, все его чрезвычайно многочисленные родственники — это были также крупнейшие дворяне-помещики. Каждый из них имел многочисленные земли и поместья. Кроме того вся царская свита, большинство министров, высших военных чиновников, так называемой бюрократии, также происходило из среды дворянства.

Только исключительные люди из других классов, наиболее богатые, умные или выдающиеся, могли случайно попасть на высшие государственные посты, при чем и тогда бюрократия смотрела на них весьма недоброжелательно, стремилась их устранить для того, чтобы с ними не делить политической власти.

В это время на деле у власти стояли 180.000 помещиков, которые диктовали свою волю правительству, и проводили ее через все правительственные органы. Наиболее богатые дворяне стояли у царского трона, были министрами, советниками, царской свитой и т. д. Более бедные занимали всевозможные бюрократические места, были губернаторами, земскими начальниками, офицерами и т. д. Словом в это время дворянство захватило и поделило между собою все наиболее важные места и посты и, таким образом, управляло всем государством. Командные и руководящие должности в армии распределялись таким образом, что их занимали представители от того же класса. Офицерство в армии набиралось, главным образом, из дворян, при чем особенно в столицах были расположены специальные, так называемые гвардейские, части. Во главе их стояли наиболее крупные и богатые помещики и дворяне, которые в свою среду старались не допускать других классов и сословий, напр., купцов, не говоря уже о крестьянах. Это была замкнутая среда, которая ревниво оберегала свои права и, в то же время, защищала не за страх, а

за совесть царское правительство и дворянские привилегии (преимущества и специальные права).

Само собою разумеется, что те дворяне, которые стояли у власти, были министрами, губернаторами и другими высшими чиновниками, проводили в жизнь всякие законы и постановления, которые больше всего отвечали нуждам, стремлениям и желаниям дворянства, как класса. Правда, дворяне не умели хозяйничать на своей земле, закладывали свои поместья, запутывались в долги и создавали для себя все более трудное положение. Правительство имело в виду их интересы: оно создало для них специальный Дворянский банк, который помогал им всякими ссудами, деньгами и проч., но все эти правительственные мероприятия мало им помогали, и дворянство ослабевало все в большей и большей степени и распродавало свои поместья.

Стремления буржуазии к власти.

С таким преобладающим влиянием дворянства в политических отношениях не хотели считаться представители буржуазии—

промышленники и торговцы. Промышленность в России росла очень быстро, развивались железные дороги, строились все новые и новые промышленные предприятия, вносились все более значительные капиталы на постройку фабрик, заводов, шахт, рудников и пр. В связи с этим неминуемо должно было увеличиться также и значение класса промышленников и крупных купцов-оптовиков, которые имели в своих руках все более значительные денежные суммы.

Русские и иностранные богачи основывали не только фабрики и промышленные предприятия, но также открывали банки, от которых все в большей степени зависело дворянство и правящая бюрократия. И те и другие должны были прибегать к помощи банков, нуждаясь в деньгах.

Само правительство также великолепно понимало необходимость расширения и увеличения работы промышленности. К тому же и условия, в которых работала промышленность России, были чрезвычайно выгодны для промышленников. Они пользовались бесправным положением широких народных масс. Эксплуатируя рабочих, обирая их, платя рабочим очень мало, они получали

такие доходы, которые в 10—15 и больше раз превышали доходы богачей заграницей. Так, например, металлургические заводы юга России за время, предшествующее войне 1914 года, давали доход, который колебался от 60 коп. на 1 руб. для наиболее богатых и крупных предприятий, до 17—18 коп. на 1 руб. для тех предприятий, которые считались наиболее бедными. Между тем доходы таких же предприятий за границей колебались в это время от 5 до 6 коп. на 1 руб. Совершенно ясно, что в таких условиях иностранные капиталисты сильно интересовались промышленными предприятиями России и вкладывали все более крупные капиталы в русскую промышленность. К моменту начала войны их капиталы в русской промышленности составляли около 2½ миллиардов рублей. С другой стороны и русские богачи, обогатившиеся в различное время, стремились также свои капиталы и богатства вложить в промышленность. Это они считали наиболее для себя выгодным.

По мере того, как развивалась промышленность, как росли фабрики и заводы, значение промышленников должно было все бо-

лее увеличиваться. Они считали совершенно несправедливым то положение, которое существовало в России, при котором они не имели права голоса в различных наиболее важных для них вопросах. Для того, чтобы добиться какого-нибудь постановления, отвечающего их интересам, они должны были бегать по всяким министрам, убеждать их, нередко давать взятки, и тогда только проводилось в жизнь то, что было для них желательно.

По мере того, как развивалась и росла промышленность, увеличивалось значение класса промышленников, торговцев, богачей, т.-е. тех людей, которых мы называем буржуазией. Они стремились к тому, чтобы получить политическое влияние на общегосударственные дела в такой степени, в какой они получали значение и влияние в области хозяйства. Само собой разумеется, что помещики-дворяне не хотели делиться своей властью с этими людьми. В истории именно так всегда и бывает. Дворяне-помещики не идут ни на какие уступки, упорно держатся за свои права и привилегии, не желая ни с кем ими делиться, до тех пор пока их не заставят силой.

Крестьяне и их требования.

Кроме промышленников и богачей в России выдвигались и другие классы, которые в свою очередь тоже требовали предоставления им известных прав и экономических уступок.

Прежде всего необходимо иметь в виду крестьян. Многомиллионная крестьянская масса жила в таких условиях, что у нее всегда и постоянно было слишком мало земли. Крестьянам было слишком тесно на той земле, на которой они жили. Прокормить себя с земли громадное большинство крестьян не могло. Не только крестьяне бедняки, но даже и середняки должны были искать работу на стороне. Они служили батраками у помещиков, арендовали у них землю, шли работать на фабрики и заводы, и, тем не менее, всем им жилось очень тяжело.

Единственным выходом для них могла быть покупка земли. Но земля все более и более дорожала. Ее мог купить деревенский богач-кулак, а не крестьянин бедняк или середняк. Крестьянство в массе должно было смотреть только на то, как постепенно

землю прикупали крестьяне-богачи, а само в лучшем случае могло эту землю арендовать на очень тяжелых, кабальных условиях.

Крестьяне видели, что к 1905 году в руках казны, уделов, церквей, монастырей и проч. находилось около 150 миллионов десятин земли и около 98 миллионов десятин земли в руках всяких частных владельцев, в том числе помещиков. Само собою разумеется, крестьяне хотели эту землю получить, распахать ее и использовать для себя.

В 1905 г. началось очень сильное движение крестьян, которые боролись за землю. Оно было гораздо сильнее, чем крестьянское движение прошлых лет. Это движение охватило массу деревень и уездов. В течение 1905 года, крестьянское движение охватило 228 уездов, а в 1906 году еще 215 уездов. С этим движением правительство боролось самыми жестокими мерами, посылало повсюду карательные отряды и экспедиции, от которых пострадало около 4.000 деревень. Сотни тысяч крестьян были забиты этими отрядами, расстреляны, многие десятки тысяч были сосланы в Сибирь, и тем не менее

крестьянство не добилось разрешения наиболее важного для него вопроса о земле.

Земля так и осталась в руках помещиков. Правда, помещики сильно испугались этого движения. Не менее сильно испугалось его и правительство. Начали разыскивать и изыскивать различные пути. Прежде всего занялись смягчением вопроса с малоземельем. *Правительство решило часть крестьян переселить в Сибирь на свободные земли, частично дать землю внутри России, однако, при том непременном условии, чтобы эта земля была куплена, а не завоевана крестьянами.*

Царский министр Столыпин провел закон о том, что крестьяне могут выделяться из крестьянской общины на хутора и отруба. Он давал им самые лучшие земли. Богачи и кулаки деревни обирали остальное крестьянство, выделяясь на наиболее выгодных для них условиях.

Устроены были специальные землеустроительные комиссии, при чем они с 1907 по 1911 год провели землеустроительные работы на 10 миллионах десятин земли. *Это значит, что они эти 10 миллионов десятин земли отняли у деревни и разметили*

на них наиболее богатых и зажиточных крестьян.

Само собой разумеется, что для выделения на хутор требуются крупные деньги. Их у рядового крестьянина-бедняка или даже середняка быть не может. Он видит, что дело может быть и очень выгодное, но не для него, а для богача, который забирает лучшую землю.

Однако, вопрос о земле был чрезвычайно больным и тяжелым, и не мог быть разрешен только путем выделения на хутора и отруба.

Крестьянство вообще стремилось к земле—в равной степени богачи и бедняки. Но богачи эту землю могли купить, а бедняки этого сделать не могли. Что же получилось, когда после 1905 г. началась распродажа земель?

Кто эти земли мог покупать? Только наиболее зажиточные крестьяне, так как цена земли была очень высокой. В среднем она колебалась от 105 до 138 р. за десятину: Крестьянский банк купил, за время с 1905 г. до начала грабительской войны, у помещиков около четырех миллионов десятин земли. Больше всего ее покупали в первые годы после революции 1905 года: в 1906—7 году

было куплено более чем $2\frac{1}{2}$ миллиона десятин земли, а за 1909 и 10 г.г. по 172 тысячи десятин земли.

Эти одни цифры показывают, что к земле бросились, пользуясь продажей ее помещиками, прежде всего богатые крестьяне-кулаки. За первые годы они купили все то, что они могли купить и больше земли уже не покупали. У них тоже не хватило средств для того, чтобы землю докупать. Такие же богачи-крестьяне стремились также к покупке казенной земли, хотя эти покупки были незначительны. Наконец, эти же богатые крестьяне могли переселяться.

На что расчитывало правительство при проведении земельной реформы по закону Столыпина?

Прежде всего на то, что удастся создать группу более зажиточных крестьян, которые будут довольны своим положением,— прикупят земли, обзаведутся хозяйством, разбогатеют за счет остальной бедняцкой массы и будут жить припеваючи. Разбогатев, они будут поддерживать правительство изо всех сил, потому что какая-либо перемена власти для них тогда будет нежелательной.

Правительство стремилось увеличить количество тех людей, точнее классов, на которые оно могло бы опираться. Оно хотело договориться с богачами-промышленниками, торговцами и проч. Оно стремилось заключить союз с крупной буржуазией в первую очередь, а затем с мелкой буржуазией в городе и создать такую же мелкую буржуазию в деревне в лице зажиточного крестьянства. На эти слои оно должно опереться. Когда остальное население будет требовать для себя прав, стремиться к улучшению своего положения, тогда правительство будет пользоваться этими группами довольных классов для подавления общего народного движения.

Рабочее движение.

В революции 1905 года мы видели сильнейшее движение рабочих масс. Чего добивались в 1905 году рабочие России? Их требования сводились тогда к сокращению рабочего дня, увеличению заработков, введению страхования от болезни, инвалидности, старости и проч. Кроме того рабочие массы,

под руководством социал-демократической партии, требовали политических преобразований и реформ, установления демократической республики, т. е. правления всеми избираемого парламента, созыва Учредительного Собрания, предоставления политических свобод народу — права собраний, союзов, свободы печати и проч.

Рабочее движение 1905 года оказалось очень широким. В 1905 году произошло около 14.000 забастовок, в которых приняло участие 2.863.000 рабочих.

В 1905 году очень сильным было рабочее и крестьянское движение, которое до смерти напугало представителей владетельных классов. Помещики и богачи требовали от правительства самых жестоких и беспощадных мер для того, чтобы подавить рабочее и крестьянское движение. Вся буржуазия, которая до 1905 года и даже в 1905 году, говорила о всяких реформах, была настроена враждебно к правительству, и не поддерживала его, под влиянием 1905 года поспешила договориться с правительством. Буржуазия забыла о своем так называемом либерализме, т. е. о стремлении к реформам и преобразованиям. Помещики рассуждали

таким образом, что только сильное правительство может справиться с революционным движением. Они требовали карательных экспедиций, порки, расстрелов и виселиц для того, чтобы задавить крестьянское движение. Богачи рассуждали таким образом, что все права, всякие парламенты и свободы не имеют такого значения, как рабочее и крестьянское движение. Они боялись революционных партий. Ведь крестьяне в деревнях стремились к тому, чтобы отнять всю землю у помещиков и не заплатить за нее ни гроша. Богачи были убеждены в том, что и рабочие в городах не захотят работать на богачей и капиталистов в то время, когда в деревнях будут отнимать землю у помещиков, и будут стремиться к тому, чтобы отнять у богачей фабрики, банки, торговые предприятия и проч.

И помещики, и богачи понимали, что революция 1905 года не может ограничиться только политическими требованиями и политическими изменениями, а пойдет гораздо дальше. Она уничтожит не только самодержавно-полицейский порядок, но, кроме того, по пути сметет и права и богатства помещиков и богачей.

Российская буржуазия согласилась бы, несомненно, на то, чтобы рабочие и крестьяне своими усилиями и жертвами завоевали для нее политические права, создали парламент, в котором она бы господствовала, уничтожили бы те порядки и права, которые больше всего мешали развитию и росту капитализма. Тогда она была бы весьма довольна совершающейся революцией.

Когда же эта революция требует от буржуазии и богачей экономических жертв, ограничивает их самодержавие на фабрике, урезает доходы и может протянуть руку к их фабрикам и богатствам, тогда они меняют отношение и готовы всячески помогать правительству в деле подавления рабочего и крестьянского движения.

Как правительство и богачи задавили революцию 1905 года.

Буржуазия круто изменила свое поведение. В Государственных Думах, которые созывало правительство после 1905 года, буржуазия вела себя по разному. В первой Думе она говорила о том, что правительство должно уступить ей власть. Через Думу и

при ее помощи, она хотела совершить реформу. К массам рабочих и крестьян она не обращалась: она до смерти боялась этого движения, особенно, когда к нему в некоторых местах стала присоединяться армия. Буржуазия была напугана массовыми выступлениями рабочих, восстанием моряков в Кронштадте, Свеаборге, Севастополе и других местах. *Она решила в Думе ограничиться только тем, чтобы убедить правительство добровольно отказаться от власти.* Само собою разумеется, что это не удалось. Правительство в это время жестоко разделывалось с революционным движением в стране, оно затопило в крови солдатские бунты, послало карательные отряды по всем деревням, затронутым крестьянским движением; промышленники помогали задавить рабочее движение, тысячи матросов и солдат легли расстрелянными. Правительство понимало, что с вооруженной революцией рабочих и крестьян оно уже благополучно разделалось, и, разумеется, не склонно было итти на какие-либо уступки под влиянием красноречивых разговоров буржуазии в Думе.

Когда последняя слишком надоела, ее по-

просту разогнали. Правительство созвало вторую Государственную Думу, при чем в ней буржуазия решила вести себя по другому. Она увидела, что требованиями этими ничего не добиться, и потому решила превратиться в оппозицию правительству. Так называемая либеральная буржуазия, в лице кадетской партии, всячески избегала столкновений с правительством, подлаживалась к нему, и тем не менее и вторая Дума была разогнана, при чем правительство изменило избирательный закон.

По новому закону 3 июня 1907 г. были даны особенно широкие права помещикам, богачам, и, наоборот, сокращены права рабочих, крестьян, отдельных народов, живущих в России. Правительство совершенно правильно рассчитывало, что таким образом оно получит покорную себе и контр-революционную Думу, которая будет его всецело поддерживать без всяких разговоров. В ней должны были быть представители буржуазии, но особенно много помещиков и черносотенцев.

На самом деле так и вышло. Всякие буржуазные партии в третьей, а затем и в четвертой Государственной Думе были попро-

сту лакеями правительства, выполнявшими каждое желание этого правительства.

Что же дал народу и к чему привел революционный 1905 год?

Рабочие не получили абсолютно ничего. Их движение было подавлено с беспримерной и невероятной жестокостью. Лучшие представители рабочих попали в тюрьму, ссылку, на каторгу; наиболее сознательные рабочие были расчитаны капиталистами с фабрик и заводов, внесены в черные списки, нигде не могли получить работы и умирали от голода. Политических прав ни рабочие, ни крестьяне не получили. Наоборот даже, в стране воцарилось беспримерно жестокое правительство, которое жестоко расправлялось с народом за тот страх, который правительство, помещики и богачи пережили во время революции 1905 года.

Крестьяне той земли, которой добивались в течение целых поколений и в борьбе за которую понесли колоссальнейшие жертвы, не получили.

За счет крестьянской бедноты обогатились кулаки и мироеды. Они прикупили известное количество земли от помещиков и казны, благодаря чему стали верными по-

мощниками и союзниками правительства. В третьей и четвертой Государственной Думе, мы видели группу крестьян-кулаков, которые все время поддерживали помещиков и шли против обще-крестьянских стремлений и пожеланий. В этом отношении правительство добилось своего: оно создало известную группу богатых крестьян-кулаков, на которую могло всецело опереться и которая всегда поддерживала правительство и помещиков.

Больше всего выиграла от революции 1905 года российская буржуазия. Она получила известное влияние на политические и экономические дела. Земельный закон Столыпина, проведенный против крестьянской бедноты, дал ей дешевых рабочих, которые необходимы были для развивающейся промышленности. Обнищалая разоренная деревня выбрасывала все большее количество крестьян в города, которые искали заработка, и тем самым уменьшали и без того низкие заработки рабочих.

В Государственной Думе буржуазия сумела договориться с правительством, выторговала себе ряд преимуществ, договорилась относительно заказов. Ее представители

в Думе и вне ее на всяких съездах и совещаниях добивались все более определенных и широких прав. В интересах промышленности они устанавливали железнодорожные тарифы (стоимость перевозок) с таким расчетом, чтобы промышленность от этого получала крупные доходы. Буржуазия устанавливала ввозные ставки, чтобы русская промышленность могла конкурировать и бороться с западно-европейской промышленностью, не допускать ее изделий на русский рынок, словом жить и развиваться за счет российских крестьян, рабочих и всех прочих слоев населения.

Правительство после жесточайшего разгрома и поражения в русско-японской войне стремилось залечить раны, нанесенные этой войной, улучшить свою работу, поднять на известный уровень промышленность. В действительности так оно и произошло. Работа промышленности становится все более напряженной. Развиваются важнейшие ее отрасли. Если в 1905 году общая добыча угля в России составляла 1.139 миллионов пудов, то в 1913—14 г. она составляла 2.200 миллионов пудов. Сравнительно медленнее восстанавливалась нефтяная промыш-

ленность. В 1905 году она дала 550 миллионов пудов и на этом же уровне она держалась в 1913—14 г. Зато несравненно более быстрыми шагами развивалась металлургия. В 1905 г. выплавка чугуна составляла 166 миллионов пудов, а в 1913—14, около 250 миллионов пудов.

Российская промышленность в этот период времени имела многочисленные заказы от правительства.

Правительство стремилось отвлечь внимание масс от недавнего поражения, заставить забыть это тяжелое время, заинтересовать массы чем-то другим.

Российская буржуазия в этом отношении усердно помогала правительству. Когда правительству необходимы были заграничные кредиты, то в Западную Европу, в Париж и Лондон, поехали представители так называемой российской либеральной буржуазии, которые делали все от них зависящее, ходили по министерским передним, выступали на собраниях, рассказывали там о преимуществах российского правительства, словом делали все для того, чтобы это правительство по возможности скорее получило заем. Так вела себя российская либеральная бур-

жуазия, которая еще очень недавно выступала против правительства.

Поведение ее совершенно понятно. Она боялась, что снова могут повториться революционные события 1905 года, и решила изо всех сил противодействовать этому, тем более, что ее положение сильно улучшилось после революции.

Рабочее движение было подавлено. Рабочие не смели предъявлять никаких требований. Все попытки выступать с какими-либо даже самыми скромными пожеланиями заранее были обречены на поражение. Рабочие не только ничего не могли добиться, но постепенно сводились на нет и уничтожались все те завоевания, которые были сделаны в 1905 и 1906 году. Революционные партии были разгромлены. Партии в значительной степени были разложены провокацией, которая проникла очень глубоко. Так, напр., у эс-эров в центральном комитете и во главе боевой организации стоял знаменитый Азеф. Социал-демократия распалась на два лагеря: социал-соглашатели-меньшевики доказывали необходимость совершенно уничтожить партийную организацию, говорили, что она не нужна, что отрывает

только силы и проч. Они выкидывали из программы все революционное, делали партию легальной, законной, чтобы добиваться через думы и различные организации политических реформ. За это их называли ликвидаторами. *Большевистские организации были разгромлены. Лучшие борцы попали на* каторгу и в ссылку. Правительство постаралось наводнить все организации, партийные и профессиональные, шпионами и провокаторами, которые разлагали и разваливали работу. К тому же, под влиянием поражения революции, массы были деморализованы, не верили в свои силы, боялись выступлений.

Создалось такое положение, при котором вся Россия превратилась в одно сплошное кладбище, на котором установилось могильное спокойствие. Правительство могло торжествовать. Движение подорвано, массы не могут бороться, нет энергии и нет сил для борьбы.

Революция ожила.

Таким было положение в 1910 — 11 г. Однако, вслед за этим начинается некоторое новое оживление среди рабочих. Период времени когда богачи и промышленники

широко использовали особенно благоприятное для них положение, начинает проходить. Рабочие снова вступают в борьбу, при чем решающим, в известном смысле переломным, моментом является расстрел ленских рабочих.

Если вообще в России положение рабочих после 1905 года в эпоху реакции было очень тяжелым, если промышленники и богачи смотрели на них как на вьючный скот, который можно обирать как угодно и в каких угодно размерах, то положение ленских рабочих за несколько тысяч верст от центра, почти в 2.000 верст от железной дороги, являлось в полном смысле этого слова ужасным. Рабочие были абсолютно и в полной степени закрепощены представителями мощного капитала, который полностью держал их в руках. Рабочие на Лене были поставлены в такие условия, что они не могли требовать улучшения своего материального положения и заработков, вынуждены были жить и работать в тех кошмарных условиях, которые создавали промышленники и богачи. К марту 1912 года долготерпение масс исчерпалось, и возникла забастовка, руководимая небольшим со-

циал-демократическим кружком. В мертвящей обстановке всероссийского гнета после революционных лет забастовка произвела сильнейшее впечатление на правительство и капиталистов, которые решили разделаться с ней самыми беспощадными средствами. В результате этого произошел знаменитый ленский расстрел рабочих, при чем пало тогда убитыми и ранеными около 500 человек.

Правительство было уверено в том, что эта кровавая бойня пройдет ему совершенно безнаказанно. *Столько раз после 1905 года применялись жесточайшие меры подавления, и они не вызывали видимых протестов бурных и энергичных рабочих по примеру революционных лет.* Между тем как раз после ленского расстрела начинается новый подъем рабочего движения. Это доказывает, что эпоха контр-революции и реакции уже исчерпала себя, что рабочие уже не хотят мириться с тем положением, которое для них было создано победившей контр-революцией и реакцией. Они начинают снова бороться, снова пробуждается тот же революционный пыл и энергия, с которыми массы шли на борьбу в славные дни 1905 года.

Ленские события пробудили широчайшие массы пролетариата России, находили всюду отклик среди рабочих масс. И совершенно понятно: *ни одно из требований рабочих и крестьянских масс в период после революции 1905 г. не было удовлетворено.* В условиях 1905-7 г.г., реакция могла разбить, задавить движение, пользуясь несознательностью масс, отсутствием совместных выступлений рабочих и крестьян, отсутствием смычки между рабочим и крестьянским движением. Можно было использовать армию, которая жила в мертвой дисциплине казарм, и послать ее на истребление рабочих и крестьян. Но потребовалось лишь некоторое время для того, чтобы массы снова собрались с силами для выступления, чтобы было сглажено тяжелое впечатление от упадка и разгрома. Затем неминуемо должна была подняться новая волна борьбы.

В этой борьбе опять рабочие должны были итти во главе революционного движения, ведя за собою крестьянскую массу и выдвигая те же самые требования, которые объединяли массы во время революции 1905 года. *Все эти требования остались в силе:*

свержение самодержавия и созыв Учредительного Собрания, 8-часовой рабочий день и земля для крестьян.

Под этими основными лозунгами и протекало движение 1912—1914 г.г.

За период реакции и предшествующее время революции, массы получили огромный революционный опыт, и из него должны были почерпнуть науку для будущей борьбы.

Прежние взгляды и надежды на то, что правительство может удовлетворить добровольно какие-либо желания рабочих и крестьянских масс в полном смысле этого слова были изжиты. Расчеты на то, что буржуазия может итти против правительства и быть не только союзником, но и вождем революции, на что, между прочим, расчитывали многие представители мелкой буржуазии, меньшевики и отчасти эс-эры, не оправдались. Буржуазия договорилась с правительством и считала, что всякие революционные выступления могут только помешать ее обогащению, наживе и той великолепной жизни, которая создалась для нее в результате быстрого капиталистического развития страны после революции 1905 г.

Время после 1905 года она использовала

для создания своих политических и экономических организаций, всякого рода обществ заводчиков и фабрикантов, съездов промышленности различных отраслей, которые укрепляли и усиливали ее. Промышленники объединяли свои предприятия в тресты и синдикаты. Рабочее движение могло быть только вредным для богачей, могло приостановить собирание сил промышленников и уменьшить те сказочные доходы, которые получали русские богачи.

Кроме того промышленники и богачи начали сильно оглядываться по сторонам, ища новых рынков и новых земель, которые можно было бы завоевать вместе с правительством. Российская буржуазия начинает защищать права балканских народов (сербов, болгар, греков), говорит о том, что она должна помочь им в их борьбе с турками и с немцами, стремится к завоеванию Персии, при чем все время правительство ведет переговоры с Англией насчет раздела и широкого использования Персии. Такие же переговоры ведет русское правительство с англичанами и с немцами насчет захвата Турции.

Разбитое на Дальнем Востоке российское

правительство переходит на Ближний Восток, переносит свою политику на Балканы, в Турцию и Персию, при чем российская буржуазия восторженно приветствует этот поворот.

Российские либералы в Государственной Думе особенно энергично распинались за то, чтобы вести подобную политику. Само собою разумеется, что в подобной обстановке выступления рабочих, возобновивших свою революционную борьбу, массовые стачки, демонстрации, политические манифестации и проч., чрезвычайно не нравились российской буржуазии и царскому правительству. Последнее пыталось всякими средствами задавить нарастающее революционное настроение.

Уроки революции 1905 года.

Крестьянское движение контр-революцией было разбито и раздавлено в большей степени, чем рабочее. В результате этого мы не видим крестьянского движения в 1912—14 г.г., т. е. в тот период времени, когда рабочее движение стало носить бурный и стремительный характер. Крестьян-

ство было слишком обескровлено насилиями контр-революции, чтобы подняться снова на борьбу.

Все те причины, которые вызывали земельное движение 1905—6 года оставались в силе. Правительственная печать кричала о том, что крестьянству предоставлено около 25 миллионов десятин земли, но крестьянство этой земли не получило. Оно не могло воспользоваться землей, так как земля попадала только к богачам, была оценена чрезвычайно высоко. Крестьянская масса бедняков и середняков должна была только смотреть на то, как земля постепенно переходила в руки кучки наиболее состоятельных кулаков и мироедов. *Если крестьянские массы в 1912—14 г. активно не боролись за землю, то это ни в коем случае не доказывает, что они от этой земли добровольно отказывались.*

Если в 1905—6 году в массы крестьянства не особенно широко еще проникла мысль о необходимости теснейшей смычки и связи между рабочими и крестьянами, то к новому подъему революции эта мысль стала распространяться все шире в деревне и в городе.

Под могильным покровом «полного успокоения», в 1908—11 г. совершилась крупнейшая внутренняя работа, билась революционная мысль. Под влиянием крупных революционных событий жизни, быстрыми шагами шло вперед политическое просвещение масс и подготовка их к новой революции.

Период времени с ленского расстрела до начала империалистической войны ознаменовался крупнейшим стачечным и революционым движением рабочих масс. Рабочие выступали по самым разнобразным поводам, и правительство убеждалось все в большей степени, что ему не удалось справиться с революцией. Оно проводило систему небывалого террора, кровавых репрессий, рассылало карательные отряды, загубило массу человеческих жизней, но в результате снова вернулось к такому же положению, которое было накануне 1905 года. По старому массы стремились к улучшению своего материального положения, выдвигали политические и экономические требования. Это доказывает, что движение рабочих и крестьян можно временно разгромить и подорвать, но если не устранены основные причины, вызывающие движение, оно неизбежно возродится сно-

ва. При этом оно примет еще более опасные для правительства формы. *Революция, даже неудачная и разбитая, подготовляет условия успеха будущего революционного выступления.*

Никакие репрессии и преследования в таких условиях не могут оказаться достаточно сильными. Это с особенной убедительностью доказал опыт 1907—1912 г.г. С точки зрения правительства «ничтожного» как будто бы явления—расстрела «взбунтовавшихся рабочих, достаточно было, чтобы всколыхнуть всю Россию.

Основными движущими силами остались те же силы, какие были в 1905 году—рабочие и крестьяне. Крупная перемена произошла в том, что в качестве революционной силы потеряли всякое значение студенчество и интеллигенция. До революции 1905 г. студенчество играло видную роль. Революция 1905 года доказала, что студенчество является плотью от плоти буржуазных классов. Те уступки, какие даны были буржуазии, удовлетворили не только буржуазию, но и молодежь. Студенчество не играло в дальнейшей революции никакой роли. Наоборот, значение и сознательность рабочих

выросли в огромной степени. Испытания контр-революции только закалили пролетариат. Гораздо более сознательно, чем в 1905 г., особенно, чем в январе 1905 года, выступали массы, при чем они великолепно понимали, *что борьба идет не за частичные уступки, а по основным решающим и главным вопросам*. Именно такой характер носило движение летом 1914 года, когда оно охватило Петроград, центральный промышленный район, Кавказ и многие другие местности. Забастовки стихийно начинались, достигали крайнего напряжения, прекращались, перекидывались в другие районы, чтобы затем подняться снова с большей силой; они становились более сплоченными и еще более революционными и сознательными.

В июне месяце 1914 года в Петрограде дело доходило до революционных баррикад, на которых рабочие сражались с правительством за те же революционные требования, которые выдвигались в 1905 году.

Революция, загнанная в подполье в 1905 году, ожила снова в 1914 году и шла быстрыми шагами к победе пролетариата и крестьянства.

II.

Империалистическая война и ее влияние.

Те причины, о которых мы говорили в первой главе, привели к очень сильному подъему рабочего движения в 1914 году. Наша большевистская партия говорила в это время, что снова начинается революция и что никто уже не сможет ее остановить. В это время мы издавали свою газету «Правду», которая оказывала сильнейшее влияние на рабочие массы. Не было почти ни одного рабочего в Петрограде и в провинции, который бы в это время не видел бы или не слышал, по крайней мере, о газете «Правда», которая крепко стояла на защите рабочих интересов.

С другой стороны наша партия большевиков вела агитационную и организационную работу, сплачивая рабочие массы, так как было совершенно ясно, что эта органи-

зация и сплочение революционных сил необходимы для новой революционной борьбы. Так продолжалось в 1913 и 1914 году. В июне месяце, как известно, дело дошло в Петрограде до открытых революционных выступлений рабочих, которые прекратили работу и пробовали защищаться от правительственных войск на баррикадах в рабочих районах.

Чего хотело в войне царское правительство.

В это самое время царское правительство вместе с другими буржуазными правительствами Европы постепенно подготовляло войну. *Не важно кто ее начал первый, а важно то, что все буржуазные правительства готовились к войне.* Все капиталистические правительства ставили перед собою определенные цели и задачи в войне. Они стремились к тому, чтобы захватить и отнять друг у друга колонии, различные места, в которых имелся уголь, железо, нефть и другие так называемые естественные богатства, необходимые для капиталистического развития той или другой страны. Кроме

того, они стремились к преобладанию и к власти, при чем более сильные государства с завистью смотрели на то, как постепенно развивается Германия, как она увеличивает свою торговлю, строит флот, как ее товары проникают в различные далекие страны. Эта конкуренция и борьба в торговле между отдельными капиталистическими странами подготовляла постепенно войну.

Царская Россия также видела ряд выгод для себя в том случае, если она вмешается в эту войну и если будет на стороне победителей. Царскую шайку особенно интересовал вопрос о том, как бы захватить Северную Персию, Турцию, Константинополь и проливы, к которым все время стремились также представители российской буржуазии.

Этот вопрос интересовал не только русских капиталистов и богачей, но и помещиков. И те и другие считали, что если им удастся прибрать к рукам такие местности как Персия и Турция, то они смогут извлечь из этого огромные выгоды. В порабощенную страну они будут вывозить свои изделия. Эти страны вынуждены будут платить высо-

кие налоги. Кроме того, захват так называемых проливов, лежащих у Константинополя и ведущих из Черного моря в Средиземное, в огромной степени облегчал бы возможность вывоза украинского хлеба, угля, руды и проч. их продуктов заграницу. Правда, все это делалось в ущерб населению и крестьянам, которые бы не доедали и продавали хлеб под давлением необходимости, но этот вопрос мало интересовал царских чиновников, бюрократию, помещиков и капиталистов. Все они великолепно понимали, что в новые места можно будет послать целую свору чиновников, взяточников и казнокрадов, которые будут там хозяйничать во славу русского царя.

Кроме этого царское правительство мечтало о том, чтобы в результате войны захватить еще кое-какие земли, отняв их у Австрии и Германии. Так называемые «союзники» во время империалистической войны всячески прельщали царское правительство всевозможными обещаниями, представляя дело таким образом, что от войны будут получены колоссальные выгоды, а кроме того России удастся захватить Галицию, Буковину и другие области.

Царское правительство понимало, что революционное движение в стране очень быстро растет, что это революционное движение несомненно выльется в такие же формы, в какие оно выливалось в 1905 году. Рабочие будут бастовать, демонстрировать. Возможно даже вооруженное восстание. Крестьяне по старому поднимутся на борьбу за землю. Солдаты и матросы могут оказаться недостаточно надежными и выступят с народом. Правительство понимало, что если не в 1914, то в следующие годы, возможно новое восстание по образцу московского, возможно повторение матросских бунтов и выступлений в Кронштадте, Свеаборге, Севастополе. Кроме того, правительство понимало, что вся его знаменитая земельная реформа, проведенная после революции 1905 года, ничего не изменила в деревне. Богачи землю получили, но крестьянская масса оставалась в таком же положении, в каком она была до 1905 г., а потому неизбежны выступления крестьянства.

Наконец, царская бюрократия, генералы и прочие чиновники, рассчитывали сильно поживиться на войне, и потому все они толкали правительство на войну, представляя

дело очень легким, особенно если воевать в союзе с такими сильными державами, как Англия и Франция.

Все эти причины заставляли царское правительство все серьезнее думать о войне. Правительство надеялось, что войной ему удастся заинтересовать все население, на время приостановить революционное движение, а, в случае победы, и совсем свернуть ему шею. Англия и Франция обещали, на случай войны, всякую денежную поддержку. Промышленники надеялись на казенных заказах расширить свои фабрики и заводы. В войне было заинтересовано не только царское правительство, но также помещики и капиталисты.

Как правительства обманывали народ.

Грабительская война, которую готовили в течение многих десятилетий началась в июле 1914 года. Обе стороны вели преступную политику, стремясь к грабежу и захвату, при чем, однако, обе представляли дело таким образом, что они защищают «правое дело», что на их стороне правда и справед-

ливость и что противники это самые бесчестные люди.

В таком духе писали русские газеты о немцах; французские и английские о своих врагах, а немецкие и австрийские газеты о России, Англии и Франции. Обе стороны кричали о том, что они ведут «справедливую войну», что «на них напали, и им приходится только защищаться». То же самое заявляло царское правительство, которое все время вело чрезвычайно определенную политику, стремясь к войне, завоеваниям и грабежу. Оно, разумеется, тоже, по заявлениям всевозможных газет, не нападало и не стремилось в завоеванию новых земель.

Все правительства ухитрились вести свою политику таким образом, что привлекли на свою сторону социалистические партии, по крайней мере их вождей, верхушки профессиональных союзов, заручились помощью кооперативов, имеющих в жизни крупных капиталистических стран весьма серьезное значение. Всевозможные социалисты, вроде Вандервельде, Самба, Тома и многие другие входили в правительство и поддерживали войну. У нас в России свернули на этот путь даже такие люди как анархист Крапоткин,

в прошлом основатель социал-демократии, создатель группы «Освобождения труда» первой с.-д. организации в России Г. В. Плеханов и очень многие другие, которые до сих пор были революционерами и вели борьбу против царского правительства. Они увлекли за собою часть рабочих, которые говорили вслед за ними о том, что необходимо прекратить революционную борьбу, поддерживать правительство и защищать Россию. Они стали, по выражению т. Ленина, «честными оборонцами» в отличие от тех, кто старался обмануть массы.

Нечего говорить о том, что вся буржуазия, помещики и студенческая молодежь безоговорочно были за войну, отстаивали те стремления, которые вполне отвечали их классовым интересам.

В это время одна только большевистская партия очень резко и определенно выступала против войны, призывая массы рабочих соорганизоваться и начать борьбу против своих правительств. В той общей атмосфере, которая создалась во время войны, вести подобную работу было очень трудно, при чем приходилось итти в полном смысле этого слова «против течения». Тов. Ленин в изда-

ваемой им газете «Социал-Демократ», центральном органе нашей партии, вел непримиримую борьбу против всех правительств и против той политики, которую вела буржуазия, помещики и социал-предатели.

Война разрушала хозяйство России.

Война оказалась колоссальным, небывалым испытанием сил всех государств, принимавших в ней участие. Этого никто не предвидел. Ни одно из правительств не рассчитывало на то, что война может затянуться так долго, как она затянулась. В этом отношении особенно смелые расчеты строило царское правительство и его министры, которые предполагали, что войну удастся закончить в несколько месяцев. Они не думали, что она будет носить такой длительный характер и что потребует такого невероятного напряжения сил и средств. Война оказалась колоссальным соревнованием всех технических сил и возможностей.

Очень быстро стало ясно, что победит тот, кто экономически является более сильным.

Победа зависит не от количества солдат, которые могут быть выставлены для войны и даже не от количества пушек и пулеметов, а от экономического развития страны.

В этом отношении положение оказалось весьма неблагоприятным для России. Дело в том, что она могла выставить очень много солдат, как оно в самом деле и произошло, но не могла изменить того общего экономического положения, которое было в стране, и потому не могла конкурировать с экономически более мощными врагами.

Общее количество солдат, выставленных на войну, к началу 1917 года составляло по точнейшим подсчетам 14½ миллионов человек. В городах и деревнях создался острый недостаток рабочих. По приблизительным подсчетам, уже в середине 1916 года убыль рабочих в деревне составляла от $^1/_3$ до ½ количества их в довоенное время. В 1916 году в 44 губерниях России давал себя чувствовать недостаток рабочих.

Деревня постепенно заменяла мужской труд призванных на войну трудом женщин и детей. Участие женщин в полевых работах отмечалось уже в 1915 году. В 1916 году оно приняло гораздо большие размеры.

В то время как в 1915 г. женский труд был широко использован в 40% губерний, в 1916 году уже в 70%.

Отсутствие мужчин-крестьян в деревне и замена их женщинами вызвало крупные последствия. Правда, временно не давало себя чувствовать уменьшение площади посева, так как оставшиеся в деревне женщины, дети и старики старались обработать как можно больше земли, но условия работы становились все более трудными. Так, например, уменьшилось количество доставляемых машин. В среднем Россия получила за это время не более $^{1}/_{3}$ тех машин, которые она получала за довоенные годы, а по некоторым видам даже значительно меньше.

Если в начале империалистической войны еще крестьянство справлялось с посевами, то постепенно стали засевать все меньше земли. Если за довоенные годы засевалось около 72—73 миллиона десятин земли, то в 1916 г. не больше 67 миллионов десятин земли. В некоторых местах имелся очень большой недосев, составляющий от $^{1}/_{3}$ до ½ обычно засеваемой крестьянами земли.

Несмотря на то, что урожай 1916 г. был очень хорошим, сбор хлеба оказался значи-

тельно ниже, чем за довоенные годы. Так, например, общий урожай важнейших продовольственных продуктов составлял за довоенные годы около $5\frac{1}{4}$ миллиардов пудов, а в 1916 г.—$4\frac{3}{4}$ миллиарда пудов, т.-е. он сократился приблизительно на $\frac{1}{6}$ по сравнению с довоенными годами. В то же самое время общее потребление страны должно было сильно возрасти. Не только были забраны крестьяне-работники с земли, но в то же время им необходимо было дать гораздо больше и сравнительно лучшей пищи, чем они получали в деревне. Армия съедала больше хлеба, мяса, жиров и прочее, чем съедали бы те же крестьяне, находясь у себя в деревне. Это вызвало громадные затруднения для России.

Правительство заботилось главным образом о том, чтобы дать продовольствие армии, и меньше думало об остальной стране. Армию надо было накормить, а остальное население как-нибудь должно было обойтись.

Очень остро встал вопрос относительно скота. На войну забрали большое количество лошадей,—около 2 миллионов голов. У крестьян уменьшилось количество лошадей, которые могли бы работать, и увеличи-

лось количество жеребят. С другой стороны одновременно уменьшалось также и количество рогатого скота.

По подсчетам специалистов, уже за довоенные годы давал себя чувствовать недостаток мяса. Его не хватало от $2^3/_4$ миллионов пудов до $3^1/_3$ миллионов пудов в год по Европейской России. Этот недостаток покрывался путем подвоза мяса из-за Урала. Во время войны этот подвоз из Сибири совершенно прекратился. Истребляли скот для прокормления армии по возможности ближе к тем местам, где приходилось воевать, причем потребление говядины возросло приблизительно на 50%. За первые годы войны было истреблено от 5 до 7 миллионов штук скота.

Сильно сократилось также количество коров, имеющихся у населения. Это вызвало сокращение потребления молока, масла и проч.

Приблизительно то же можно сказать и относительно овец, свиней и пр. Для прокормления армии необходимо было давать ежедневно около 100 тыс. пудов мяса. За один 1916 г. это составило бы 3½ миллиона голов скота.

В деревне реквизировали массу скота. Налетела в деревню масса купцов-спекулянтов, которые покупали мясо.

Крестьянство таким образом истребляло свой скот, и этим в огромной степени подрывало свое будущее хозяйство. Ведь для крестьянства имело значение не только уменьшение количества скота, но и уменьшение удобрения.

Наше крестьянское хозяйство жило за довоенные годы в таких условиях, что главную массу удобрения давал скот, а не фабрики искусственного удобрения. За время войны, эти фабрики стали работать исключительно на войну и для войны. Они забросили совершенно снабжение крестьянского рынка. У крестьян уменьшилось количество скота, и таким образом неизбежно должно было ухудшиться удобрение земли. Это в свою очередь уменьшало ее плодородие. Если это обстоятельство не отзывалось немедленно на положении крестьянского хозяйства, то с течением времени оно должно было сказаться. *Земля истощалась, и неизбежно давала все уменьшающийся урожай.*

Именно это мы и наблюдали на крестьянских землях после революции. Казалось бы,

все в это время успокоилось и восстановилось, крестьяне вернулись на свои земли, могли спокойно работать, но в то же время урожайность земли не увеличивалась, а уменьшалась. Это объясняется тем, что крестьянство за время войны истощило свои земли. Это явление сказывалось и продолжает еще сказываться в течение длительного периода времени.

Работа на оборону.

Второе чрезвычайно важное обстоятельство, которое характеризует военный период, состоит в том, что промышленность России работала совершенно по-особому.

Война требовала снабжения армии колоссальным количеством вооружения. Некоторые отрасли российской промышленности должны были исключительно работать только на войну. Таковы, например, такие отрасли промышленности, как угольное дело, металлургия, изготовление железа, стали, добыча нефти и проч. Все, что удавалось получить на этих фабриках и заводах, все шло исключительно на войну. Население ничего не получало. Вот небольшой пример: на

1916 год было исчислена производственная программа в 240 миллионов пудов чугуна, в действительности удалось получить меньше всего, около 230 миллионов пудов. Это количество, предположенное к получению, распределяли таким образом, что около $^{1}/_{3}$ его шло по непосредственно военным заказам, около $^{2}/_{5}$ на так называемые государственные нужды в связи с обороной страны и только около $\frac{1}{4}$ могло пойти на частный рынок, который был в то же время очень тесно связан с обороной и работал на нее.

После того, как работа металлургических заводов еще сократилась для частного рынка абсолютно ничего не получалось.

Приблизительно такое же положение было и в таких важных отраслях работы, как текстильная промышленность. Она работала с огромным напряжением во время войны. Так, например, на хлопчато-бумажных фабриках за довоенные годы перерабатывалось около 21—22 миллионов пудов хлопка, и приблизительно то же количество было переработано и в 1916 году. Сократилось значительно производство шерстяной промышленности, главным образом потому, что во вре-

мя войны были захвачены важные районы по переработке шерсти. Однако, вся работа шерстяных и хлопчато-бумажных фабрик шла исключительно только для армии.

Армию необходимо было одеть, а как выйдет из затруднений и как оденется все остальное население, это совершенно не интересовало правительство.

По всем отраслям промышленности мы наблюдали одно и то же явление. Правительство больше всего платило за изделия, непосредственно необходимые для войны. Оно требовало, чтобы все фабрики работали на войну. Частный покупатель не мог платить столько, сколько платило правительство. При этом получалось такое положение: изготовлены, например, на частный рынок какие-либо ткани. Они должны пойти по обычному пути, через всякие торговые предприятия; должны быть проданы постепенно, для чего необходимо довольно много времени, в лучшем случае, несколько недель, а то и месяцев. В это время затраченные деньги на сырье, на работу и все прочее не возвращаются. Между тем правительство, заказывая такие же ткани, платит немедленно, по сравнительно очень высокой цене, так как ждать

нельзя. Оно требует, чтобы все необходимое ему для войны, доставлялось немедленно и во всех больших количествах. Ведь надо одеть, обуть, вооружить и прокормить эту небывало великую армию в 15 миллионов человек. В таких условиях правительство готово заплатить все что угодно, расплачиваться немедленно, лишь бы даны были ему во время винтовки, снаряды и проч.

Между прочим, с этой работой оно далеко не могло справиться. Уже в половине 1915 г. выяснилось совершенно определенно, что правительство и вся работающая на него промышленность ни в коем случае не дадут всего того, что необходимо для снабжения и вооружения армии. Огромная армия сражалась, не имея достаточного количества вооружения. Во многих случаях солдаты шли с голыми руками на приступ, и погибали совершенно бесцельно и без всякой пользы для правительства. Не даром же в это время выдвигались обвинения против важнейших промышленных объединений капиталистов и богачей, что они работают не так как могли и должны бы работать, что они приводят постепенно к угольному, металлическому и всякому другому голоду.

Газета такого крупного промышленника, как П. П. Рябушинский, определенно обвиняла «Продамету» (главный синдикат по продаже железа) в том, что она спекулировала железом, что создавала всякие затруднения в смысле доставки железа. Вот что она писала по этому поводу: «Вся история «Продаметы», хорошо уже освещенная и в специальной и в общей печати, есть история непрерывного закабаления русского потребителя всесильным синдикатом южных металлургических заводов. Положив в основу своей деятельности ясно и определенно формулированный принцип, что не железо существует для потребителя, а наоборот, потребитель существует для железа, «Продамета» с самых первых шагов своего существования решительно повела свою линию в строго указанном направлении и продолжает благополучно вести ее и по сие время. Сделавшись полновластным хозяином на железном рынке и крепко забронировавшись от всякого общественного контроля, «Продамета» начала нормировать и регулировать производство металла, стараясь замедлить естественное развитие металлургической промышленности и искусственно за-

держивать выпуск на рынок железа, чтобы цены на последнее не могли упасть ниже известного уровня, который наиболее выгоден «Продамете». Тому печальному обстоятельству, что Россия в настоящее время занимает одно из самых последних мест в Европе по количеству потребляемого на душу железа, и что в настоящий момент (писано в начале 1916 года) страна находится накануне металлического голода, мы в значительной степени обязаны деятельности «Продаметы», много положившей труда и организаторских способностей для того, чтобы принести целиком в жертву этому синдикату интересы российского потребителя».

Это писалось в 1916 году, при чем приводились еще более убийственные указания, сводящиеся к тому, что «Продамета», искусственно снижая выпуск изделий с фабрик и заводов, взвинчивает до крайних пределов цены, добивается грандиозных, небывалых доходов для себя, абсолютно не считаясь с интересами страны и с интересами войны и обороны.

Это показывает, что отдельные группы предпринимателей не совсем поладили друг

с другом, вели борьбу, конкурировали. Крайне характерно то, что они сами чувствовали недостаточную техническую и хозяйственную подготовку России для громадной империалистической войны.

В первый период войны российская буржуазия активно не принимала в ней участия. Отдельные промышленники получали крупные заказы, старались их выполнить на своих фабриках и заводах, срывая попутно огромные доходы на этих казенных заказах. Как класс, крупная буржуазия в это время не принимала активного участия в войне. Только в тот момент, когда выяснился недостато́к вооружения, полное неумение самодержавного правительства справиться с теми огромными задачами, которые были поставлены войной, неподготовленность армии, гибель целых корпусов из за того, что правительство не могло их вооружить, словом, когда выяснилась возможность поражения России предприниматели и богачи решили действовать.

Они создали военно-промышленные комитеты, общества технической помощи армии и войне и т. д. *Они приняли постановление о том, что война является их делом и что*

они должны ей оказать всевозможную помощь. Эта помощь прежде всего выражалась в том, что все фабрики и заводы были переведены на военную работу. Всякие заказы на так называемый частный рынок были отложены в сторону и стали производить только военное снаряжение. Заводы, которые были приспособлены десятилетиями к производству паровозов, сельскохозяйственных машин, двигателей и проч., перешли на производство шрапнелей. Многие текстильные фабрики, не довольствуясь тем, что изготовляли ткани, открывали крупные отделения по изготовлению шрапнелей, военного снаряжения и проч. В это время все предприятия думали только о том, чтобы исключительно работать на оборону, и делали в этом отношении все возможное, так как это было наиболее выгодным и удобным для них. О частном рынке, о нуждах крестьянства они совершенно забыли, ничего не давая этому частному рынку.

В этот период времени мы видим стремление расширять промышленные предприятия и открывать новые, так как это было очень выгодно. За время с 1914 по 1916 г. открылось 562 новых предприятий, при чем

основной их капитал составлял свыше 800 миллионов рублей золотом. За тот же период времени существующие предприятия в количестве 204, увеличили свои основные капиталы на 266 миллионов рублей золотом.

Эти цифры доказывают, насколько промышленники и богачи были заинтересованы в том, чтобы принять непосредственное участие в войне.

Бестоварие.

Это их участие давало им грандиозные, ни с чем несравниваемые прибыли. Многие из них получили рубль на рубль затраченного капитала. Они не хотели возиться по пустякам: доход в 30—40% для них был такими пустяками, на которые не стоило обращать внимания и из-за которого не стоило вести промышленного предприятия. Аппетиты все больше увеличивались. Богачи и промышленники, подрядчики и поставщики считали, что правительство заплатит столько, сколько они потребуют, поэтому они и не стеснялись в своих ценах. В таких

условиях никакого смысла не имело работать на частный рынок и частного потребителя. Последний не мог, разумеется, дать такого крупного барыша, к какому привыкли и к какому стремились богачи.

Что же получилось в результате? Вся промышленность работала для обороны, а в то же время деревня не получала самых необходимых для нее продуктов и изделий. Она не получала сельско-хозяйственных машин, гвоздей, подков, железа, тканей и всего прочего; она попадала во все худшее положение. У нее забраны были для войны сыновья, мужья и отцы; она несла колоссальный налог крови, во время войны погибли и умерли от ран миллионы человек и в то же самое время для своей жизни и нормальной работы деревня ничего не получала из необходимых ей продуктов и тем самым попадала во все более тяжелое и затруднительное положение.

В конечном итоге деревня не получала продуктов городской промышленности. На деревенском рынке она не могла получить ничего. Началось знаменитое бестоварье. Деревня старалась сама удовлетворять свои запросы, обходиться без железа, без нефти,

без спичек, без городских тканей, по возможности все изготовляя сама.

В то же самое время все, что только могла дать деревня, хлеб, мясо, масло, всевозможные виды сырья—все это поступало только в распоряжение военных властей. О продовольственном снабжении и питании городов заботились мало, точнее совсем не заботились.

Сколько стоила война.

В то же самое время шел огромный выпуск денег для нужд войны.

Потребности последней становились все более и более высокими. Если в 1913 г. все расходы составляли 3.383 миллиона рублей, то постепенно они увеличивались: за первый год войны составили $5^{3}/_{4}$ миллиарда, за 1915 г.—16 миллиардов, за 1916 г.—18 миллиардов и за 1917 г. свыше 30 миллиардов рублей. Такие грандиозные суммы поглощала война. В результате этого, правительство выпускало все большее и большее количество бумажных денег, чтобы покрыть потребности страны. На 1 января 1914 г. было в обращении 1665 миллионов кредитных биле-

тов, на 1 января 1917 г. 9.200 миллионов рублей бумажных денег, а на 1 сентября 1917 г. 14.217 милл. руб.

Само собой разумеется, что расходы на войну не покрывались только теми бумажками, которые выпускало правительство. Оно залезало в огромные долги внутри страны и заграницей, должая иностранным богачам и капиталистам все больше за те изделия и военное снаряжение, которое они доставляли в Россию.

Наши специалисты подсчитывают, что за 37½ месяцев войны было потрачено около 42 миллиардов рублей. Долги составляли к 1 января 1918 г. около 80 миллиардов рублей. Специалисты оценивают все национальное имущество царской России в 120 миллиардов и ежегодные доходы в 3—4 миллиарда руб. Таким образом за три года войны Россия израсходовала не только весь прирост своего богатства, но в значительной степени затронула также и основной капитал.

Рабочее движение во время войны.

Выпуская все большее количество бумажных денег, правительство должно было счи-

таться с тем, что цена их падала; деньги ценились все меньше, за них можно было купить все меньшее количество продуктов.

Кто на этом больше всего терял? Само собой разумеется—рабочие и крестьяне. Всевозможные богачи и капиталисты добивались того, что, по мере обесценения денег, им платили все больше, а рабочие и крестьяне, этого сделать не могли.

Каким образом рабочие могли увеличить свои заработки? Только путем борьбы, путем забастовок, так как только тогда капиталисты и богачи шли на уступки. Могли ли рабочие бастовать во время империалистической войны? Разумеется нет, потому что каждое выступление рабочих с требованием улучшить их материальное положение сопровождалось невероятными репрессиями со стороны правительства. Если всегда рабочие России подвергались преследованиям за свою борьбу, которая должна была увеличить их заработки, то во время империалистической войны эти преследования делались гораздо более жестокими. Предприниматели и богачи считали, что именно во время войны настало время их обогащения. Добровольно ни на какие уступки они не шли. Правда, за

время империалистической войны заработки рабочих несколько увеличились. Это особенно имело место по отношению к высококвалифицированным рабочим; однако, вся масса рабочих не только не улучшила своего положения в смысле заработков, но попадала во все худшие материальные условия. Промышленники объявляли себя великими патриотами, говорили о мобилизации промышленности, о работе, совершенно бескорыстной, для родины, но в то же время изо всех сил эксплоатировали пролетарские массы. Рабочие были вынуждены работать по 12—15 часов в сутки, без всякого отдыха и без малейшей надежды на то, что их материальное положение может улучшиться хотя бы в самой незначительной степени. Испытанное оружие борьбы, которым рабочие широко пользовались за революционное и дореволюционное время,—экономические забастовки выбиты совершенно из их рук, так как весь государственный аппарат направлялся против рабочих каждый раз, когда они пробовали только бастовать.

Во время войны, целый ряд крупных промышленных предприятий сносился непосредственно с охранкой, выдавал в ее руки наи-

более энергичных рабочих и всячески прижимал массу. Как уже говорилось, некоторые категории наиболее квалифицированных рабочих добились высокой заработной платы. Такими были лучшие слесаря, токаря, инструментальщики, но для всей остальной массы положение все больше ухудшалось. По сравнению с ростом дороговизны и с падением стоимости денег рабочие получали все меньше заработки, и к половине 1916 года они получали уже не больше половины того, что зарабатывали за довоенное время. Такое положение создалось не только для необученных рабочих, но даже и для тех категорий, которые работали непосредственно по военным заказам и казалось бы должны быть особенно хорошо обеспечены. Тем не менее они получали гроши, и жить им было все труднее.

В то же время в городах давало себя чувствовать все более острое бестоварье. Было все труднее покупать изделия и продукты промышленности, ткани, одежду, обувь и прочие предметы массового потребления, а с другой стороны все более сложным делом становились покупки хлеба, мяса и других продуктов.

Правительство и промышленники великолепно понимали ту громадную опасность, которая создается вследствие этого. Они старались как-нибудь смягчить кризис и улучшить положение масс. Для этого правительство предложило всем крупным заводам, работающим на оборону, открыть рабочие столовые, где бы рабочие могли бы питаться. Однако, правительство сильно боялось того, что в этих столовых рабочие могут организоваться, могут договориться насчет совместных требований от промышленников, и потому, наводнило все рабочие столовые шпионами и провокаторами.

С другой стороны, в тот же период времени правительство сильно увлекалось организацией кооперативов. Рабочим была предоставлена возможность создавать подобные организации, закупать продовольствие и распределять его среди членов кооперативов. Правда, и правительство и промышленники стремились эти кооперативы прибрать к рукам, держать их по возможности крепче, использовывать для себя, но все же это дало возможность рабочим в известной степени облегчить свое положение, ставшее весьма тяжелым во время войны, и в то же

время организоваться. Это было особенно важно, так как за время войны все организации, созданные рабочими в период революционного подъема, оказались разрушенными и уничтоженными.

Призывы в армию отвлекли массу рабочих запасных. В это время правительство еще не додумалось до того, чтобы оставлять на фабриках и заводах квалифицированных и подготовленных рабочих. Оно забирало их в качестве пушечного мяса, и отправляло на фронт. Только спустя несколько месяцев после начала войны, правительство хватилось, что таким образом промышленность может лишиться всего квалифицированного своего кадра и должна будет неминуемо остановиться. Вследствие этого на фабриках и на заводах были оставлены квалифицированные рабочие, при чем их отсортировывали сами промышленники. Естественно они постарались избавиться от более революционных рабочих, которых не оставляли в своих предприятиях, на так называемом учете.

После июньского выступления, в 1914 г. прокатилась волна репрессий которая вырвала из рядов рабочих всех наиболее энергичных и деятельных людей. Наконец, каж-

дое выступление рабочих во время войны с какими-либо, даже самыми скромными требованиями, сопровождалось тем, что наиболее энергичные и активные люди арестовывались, выбрасывались с завода и попадали таким образом на фронт. Наконец, так называемые досрочные призывы молодежи вырвали в свою очередь очень много рабочей молодежи, этого наиболее активного и революционного элемента, и уменьшили тем самым напор рабочих.

Правительство великолепно понимало опасность со стороны молодежи. Поэтому во время осенних забастовок 1916 года в Петрограде оно распорядилось сдавать в солдаты молодежь, вне зависимости даже от ее квалификации, подготовки и участия в выступлениях. Все эти меры должны были напугать рабочих и заставить их отказаться от революционной борьбы.

Нельзя закрывать глаз на то, что во время войны некоторое, и довольно значительное, количество рабочих отошло от партии. Наши революционные газеты были закрыты, отстаивать своей точки зрения мы не могли, а в то же время вся буржуазия, меньшевики, эс-эры и просто обыватели говорили о том,

что необходимо воевать, необходимо войну поддерживать, так как России угрожает слишком крупная опасность. С другой стороны они говорили, что победа над врагом может дать очень серьезные выгоды и преимущества. Все это заставило часть рабочих пошатнуться в их убеждениях, отойти от большевистской партии. Меньшевики и эсэры внесли разлад в рабочие ряды и заставили их свернуть с революционного пути.

Арест думской пятерки и революционная работа.

Правительство сумело нанести еще один чрезвычайно серьезный удар революционному делу. В черносотенной четвертой государственной думе имелась маленькая группа в 5 человек депутатов-большевиков—Бадаев, Муранов, Самойлов, Петровский и Шагов. В начале войны они выступили с заявлением о том, что войны они поддерживать не будут, что они, являясь представителями российского пролетариата, считают злейшим врагом всех трудящихся царское правительство, что желают ему поражения в той войне, которую затеяли богачи и капи-

талисты. Само собою разумеется, что этого выступления рабочих депутатов не могли простить им ни буржуи, ни правительство. Это уничтожало возможность представить войну как обще-национальное дело. Правительство считало необходимым как можно скорее изъять депутатов социал-демократов для того, чтобы они не могли вести революционную агитацию. К тому же правительство имело данные, собранные через шпионов и провокаторов, о том, что думская пятерка не ограничивается только выступлениями в Государственной Думе, а ведет революционную работу среди рабочих масс, поддерживает связь с ними, объезжая рабочие районы и т. д. Правительство напрягло все силы, и в ноябре 1914 года думская пятерка была захвачена на партийной большевистской конференции и сослана в Сибирь. Само собою разумеется, это был сильный удар по нашей партии и по нашей партийной работе. Наша партия потеряла благодаря этому свое легальное представительство, которое давало возможность объединяться рабочим массам и использовывать неприкосновенное положение депутатов. Кроме того, при отсутствии на-

ших революционных газет, мы лишены были возможности распространять наши взгляды на важнейшие события. Присутствие в Государственной Думе депутатов-большевиков, давало возможность выступать с речами и заявлениями, нападать на правительство, указывать на преступления, а всей партии в целом, использовывать этот материал для агитации среди масс.

Тем не менее, арестовывая думскую большевистскую фракцию, правительство ошиблось в расчетах. *Наша большевистская организация без депутатов продолжала ту же работу, какую делала вместе с ними.*

Правда, это было безумно трудно в тогдашних условиях, но тем не менее издавались газеты и листки, само собою разумеется нелегальные и подпольные, которые и распространялись среди рабочих. Революционная работа нашей большевистской партии мешала социал-соглашателям договориться с капиталистами и богачами. Меньшевики и эс-эры стремились войти во всевозможные военно-промышленные комитеты для того, чтобы вести в них совместную работу с буржуями и помогать таким образом защите царской России.

В конечном итоге они добились своего, и в 1916 г. вошли в военно-промышленные комитеты несмотря на отчаянное сопротивление наших большевистских организаций и многих из беспартийных рабочих.

Несмотря на невероятные преследования и репрессии, которые сыпались на рабочих и особенно на большевистскую партию за все время войны, эта партия, численно уменьшившаяся, сжавшаяся до крайних пределов, все же сохранилась и продолжала свою работу. *На все призывы социал-соглашателей прекратить революционную борьбу и работать для обороны страны, большевистская партия отвечала, что ее главной задачей остается непримиримая борьба с царским правительством, что это правительство злейший враг всего трудового народа, что его необходимо свергнуть как можно скорее.*

Наша партия за все время войны вела революционную работу в этом направлении, подготовляя массы рабочих к неизбежному выступлению. Она стояла все время на той позиции, которую занял Центральный Комитет в своих статьях; с энтузиазмом приветствовала первые революционные съезды рабобочих заграницей, конференции в Циммер-

вальде и Киентале (небольшие города в Швейцарии), на которых объединялись революционные элементы всех воевавших стран и на которых закладывались основы Третьего Революционного Интернационала.

Несмотря на невероятные преследования и репрессии, небольшие группы революционных рабочих в Петрограде, Москве и в целом ряде других городов проводили революционные празднования—9 января, 1 мая и другие дни. Это приводило в бешенство правительство, буржуазию, помещиков, лавочников и даже социал-соглашателей, которые возмущались, что таким образом рабочие срывают дело обороны страны. Тем не менее из года в год во время войны имели место крупные революционные выступления, охватывающие все более широкие массы рабочих.

Февральская революция в Петрограде началась с празднования женского дня, когда женщины-работницы и рабочие Выборгской стороны в связи с этим днем вышли на улицу, на демонстрацию, с требованием хлеба и мира. Вслед за этим события развернулись очень быстро и привели к свержению царского правительства.

III.

Как буржуазия использовала Февральскую Революцию?

Смычка рабочих и крестьян в феврале.

Теперь уже хорошо известно всем о том, как протекала февральская революция.

Она началась в Петрограде, где на улицу вышли рабочие, забастовавшие на фабриках и на заводах. Забастовка эта очень быстро начала перебрасываться с одного предприятия на другое, охватывая все более широкие массы рабочих. Вскоре весь Петроград пришел в движение. Усиливало и помогало движению то, что войска, даже наиболее надежные, с точки зрения правительства,—казаки, не хотели бороться с рабочими и подавлять демонстрации. В этом отношении сказывалась общность интересов рабочих и крестьян.

Чего хотели тогда рабочие, выступая на улицу? Они прежде всего требовали мира,

прекращения войны, хлеба, улучшения своего положения, сокращения рабочего дня, свержения самодержавия, которое угнетало весь народ. Могли ли что-либо возразить против этого крестьяне? Абсолютно ничего. Они страдали от бойни не меньше, чем рабочие. Деревня давала миллионы своих сыновей, сама в это время разорялась и попадала во все худшее положение. Для нее требование мира было столь же необходимым, как и для рабочих. Для нее мир—это было возвращение миллионов крестьян на землю к мирному обычному труду. Лозунг мира был подхвачен широчайшими рабочими и крестьянскими массами.

Однако, этот лозунг не мог быть только один. Рядом с ним стояло требование крестьянских масс о прекращении гнета со стороны правительства, который широко был распространен в деревне. Царские урядники, полиция, помещики угнетали деревню больше, чем когда-либо. Правительство считало необходимым держать всех в кулаке, прижать как можно крепче рабочие и крестьянские массы, заставить их беспрекословно подчиняться себе. В то же время оно

боялось, что в деревне могут найтись революционные элементы, недовольные войной, недовольные общим положением, и эти люди будут вести революционную агитацию среди серой крестьянской массы. Правительство считало необходимым, чтобы вся деревня целиком думала только о войне, поддерживала ее. В то же время в деревню приходили известия с фронта о том, что там идет массовый грабеж, что генералы воруют, что армия воюет голыми руками, что гибнут миллионы неизвестно для чего и зачем. Само собою разумеется все эти слухи и известия не поддерживали боевого духа деревни, которая все время мечтала о том, что война прекратится и что таким образом перестанут умирать ее сыновья. Кроме того, деревня надеялась на то, что прекратится с окончанием войны небывалый, невероятно тяжелый правительственный гнет.

Наконец, еще одно стремление давало себя чувствовать очень сильно в деревне. *Это—стремление к земле.* Оно было движущей силой революции 1905 года. После разгрома этой революции правительство дало некоторое количество земли наиболее богатым, зажиточным крестьянам-кулакам, ко-

торые могли переселиться, могли эту землю купить и, наконец, могли выйти на хутора и отруба по столыпинскому закону. Однако, главной и основной массы крестьян бедняков и середняков эти реформы и законы не удовлетворили даже в ничтожной степени. Крестьянство земли не получило, и потому продолжало к ней стремиться. С первых же дней войны пошли слухи в деревне о том, что после войны все помещичьи земли будут отняты у богачей и предоставлены крестьянам за те страдания, которые выпали на долю крестьянской массы. Однако, война шла, а о предоставлении земли ничего не было слышно. Эти совершенно неверные и ложные слухи, получившие широчайшее распространение в деревне, весьма показательны. Они показывают, чем жили крестьянские массы после 1905 года и о чем они мечтали даже в такие моменты, которые меньше всего могли располагать к подобным ожиданиям. По-старому крестьяне стремились к земле, по-старому готовы были за эту землю бороться. В то же время они знали, что только рабочее движение может помочь эту землю получить. Опыт Государственных Дум, история первой революции, беспощадное пода-

вление крестьянского движения правительством, предоставление земли только богачам, все это постепенно приучало массы крестьян к мысли о том, что всякие надежды на счет получения земли от правительства или от помещиков без борьбы — являются мечтами, которым никогда не исполнятся. *Землю можно получить только путем борьбы.* Вот что постепенно усваивали крестьянские массы.

В первую революцию 1905 года крестьяне не были вооружены. Они были совершенно распылены и разбросаны по огромной России. Теперь положение изменилось. Эти же крестьянские массы теперь вооружены и собраны в одно место. Это—запасные, ратники и солдаты царской армии.

Царская армия до известного момента обезличивала массы, вколачивала в них мертвую дисциплину. Однако, вместе с тем, она объединяла рабочих и крестьян, ставя перед ними общие интересы борьбы с правительством. Эти общие интересы сводились к тому, чтобы как можно скорее закончить войну и получить землю крестьянам, а рабочим улучшить положение на фабриках.

Рабочие и крестьяне, больше чем когда-

либо, должны были выступать вместе, потому что их стремления и ожидания были общими. Этим и объясняется то обстоятельство, что солдаты гвардейских полков, находившихся в Петрограде в момент революции, не помогали правительству, не поддерживали его в борьбе с народом, а, наоборот, пошли с рабочими.

Те основные причины, которые вызвали революцию 1905 года, с такой же силой действовали и в 1917 году, в дни февраля.

Как правительство никому не угодило.

Царское правительство настолько неумело вело империалистическую войну, допустило такую массу ошибок, промахов и преступлений, что им были недовольны не только рабочие и крестьяне, но даже и помещики, богачи и вся российская буржуазия.

Война для буржуазии и помещиков нужна была для обогащения, для завоевания новых областей, а об этом и речи быть не могло до тех пор, пока у власти стоял Николай Романов, Штюрмер и вся царская банда, которая занималась только сплошным грабежом, обворовывала собственную армию, и тем

приводила к ее поражениям. Российская буржуазия на опыте войны убеждалась в том, что ее мечты о завоевании Турции, Персии, Константинополя, Галиции и целого ряда других областей, так и останутся мечтами, если не изменится политический строй, который существовал в России.

Даже рабски-покорная четвертая государственная дума начинала высказываться все более оппозиционно к правительству.. Оно совершенно понятно. Буржуазия видела, что все затраты и все жертвы будут совершенно напрасными, если не изменится общая политика. Даже помещики и те были недовольны затянувшейся войной. До поры до времени она давала им выгоды, а затем создавала все большие затруднения. Все труднее было покупать сельско-хозяйственные машины, необходимые для работы, безумно вздорожали рабочие руки, а в то же время необходимо было продавать хлеб и другие продукты по тем ценам, которые устанавливало правительство. Поэтому часть наиболее богатых помещиков, связанных с царским двором, стремилась к миру с Германией и брюзжала против правительства.

Даже среди командного состава армии чув-

ствовалось некоторое недовольство. Огромное количество офицеров, которые принимали участие в войне, были недовольны тем, что они воюют и погибают, а пользы от этого не получается никакой. Армия терпит одно поражение за другим.

Правда, все эти слои чрезвычайно опасались революции. Хорошо известный рабочим СССР Милюков, вождь кадетов (либеральной буржуазии) в государственной думе неоднократно говорил, что революция абсолютно недопустима, что необходимо с ней бороться всеми силами и средствами, так как она может помочь немцам. То же самое говорили и другие представители помещиков и буржуазии в думе. Ни они, ни офицеры не могли быть движущей силой революции. На это, разумеется, никто не расчитывал. Было бы очень наивно этого ожидать. В самом лучшем случае эти люди могли вести себя не враждебно к революции, могли не помогать царскому правительству в подавлении революционной борьбы рабочих и крестьян.

Российская буржуазия хотела, чтобы правительство переменилось, повело другую политику, но до смерти боялось при этом всякого переворота и революции. Классовые

интересы буржуазии требовали крупных политических перемен. Буржуазия стремилась к власти, требовала от правительства «ответственного министерства», которое было бы выразителем ее нужд и желаний, но дальше она итти не хотела, так как великолепно понимала, что *новая российская революция будет гораздо более глубокой и серьезной, выдвинет более крупные требования, чем революция 1905 года.*

Уже во время революции 1905 года раздавались требования о том, что можно ограничить власть буржуазии на фабриках и на заводах, а тем более определенно высказывались эти требования к моменту февральской революции. Наиболее дальновидные представители российской буржуазии понимали, что революция, раз она начнется в условиях войны, должна будет привести не только к конфискации помещичьих земель, но затронет также фабрики, заводы, промышленные предприятия, наложит руку на сказочные доходы предпринимателей и богачей, колоссально выросшие за время империалистической войны. С этой точки зрения буржуазия сильно боялась пролетарской революции в России и предполагала, что ей

как-нибудь удастся уговорить царское правительство передать ей власть без революции. В таком случае она расчитывала довести до конца победную войну и получить все то, что ей в различное время обещали английские и французские дипломаты за участие в войне. Буржуазия думала, что с того момента, когда она станет у власти, когда ее представители будут в министерстве, война пойдет совершенно по другому.

К чему стремились в революции рабочие и крестьяне?

Как ни боялись революции все эти классы и элементы, они все же не могли ей противодействовать. Февральская революция 1917 года была очень сильной, благодаря тому, что в ней объединились рабочие и крестьяне для совместной борьбы. Правительство растеряло всех своих союзников: не было ни одной группы населения, на которую оно могло бы опереться, и этим об'ясняется та быстрота, с которой произошла революция и смела, как ненужный хлам, царское правительство.

Основные требования рабочих и крестьян, которые выдвинула революция, были: борьба за мир, свержение самодержавия, земля для крестьян и широкие права для рабочих.

Вслед за победой февральской революции начались крупнейшие затруднения. Самым важным и самым крупным из них было то, что очень быстро к власти пробрались представители буржуазии и помещиков. Революцию совершали рабочие и крестьяне, а в первое правительство вошли такие люди, как князь Львов, Милюков, Гучков, Терещенко и пр. Рядом с ними все время стоял определенно не революционный комитет Государственной Думе, во главе с крупным помещиком Родзянко, который, само собой разумеется, не мог сочувствовать рабоче-крестьянской революции. Революция выдвинула их, заставила выполнять некоторые революционные обязанности и разрешать революционные задачи, но, само собой разумеется, все эти люди добивались того, чтобы революция остановилась и не пошла дальше того, что им хотелось.

Рабочие и крестьяне боролись против самодержавия, свергли Николая Кровавого, а Милюков, Гучков, Родзянко и Львов хо-

тели возвести на престол Алексея Николаевича или Михаила Александровича Романовых. Потребовалось новое весьма энергичное вмешательство рабочих и крестьянских масс, энергичные протесты Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, для того, чтобы предотвратить эту опасность.

Рабочие и крестьяне боролись за то, чтобы согнать с престола последнего кровавого царя, а помещики и богачи хотели наградить революционный народ новым царем.

Одним из коренных требований, под которыми проходила революция в Петрограде, Москве и целом ряде других городов, было стремление к миру. Рабочим и крестьянским массам достаточно было уже того кровопролития, которое продолжалось с июля 1914 г. по февраль 1917 года. Достаточно было тех колоссальных жертв, которые понесли рабочие и крестьяне на полях сражений. Рабочие и крестьяне не были искушены тогда в высокой политике, не знали и не читали постановлений, которые принимали революционные конференции, но нутром понимали, что войну необходимо кончать, что она ведется не в их интересах. Лозунги мира поэтому с восторгом принимались солдатской массой на фронтах.

Буржуазия хотела войны.

Могла ли буржуазия, ставшая у власти, согласиться на то, чтобы закончить войну? Разумеется, нет. Ее интересы диктовали необходимость эту войну продолжать, так как только после революции открывалась перед ней полная возможность добиться осуществления всех своих желаний. Английская и французская буржуазия в этом отношении всецело поддерживала Временное Правительство. И английский, и французский представители все время говорили о том, что после свержения самодержавия началась настоящая война демократов против немецких юнкеров, военщины и буржуазии. Они говорили, что теперь союзники достойны друг друга и доведут до конца борьбу, в которой на первый план выдвигаются интересы российской революции. Обманщики и лицемеры в это время готовы были клясться именем нашей революции и называли себя наиболее преданными ее друзьями и защитниками.

В то же самое время знаменитый Джорж Бьюкенен, представитель английского правительства в России, все время обращался

к правительству, требуя новых солдат, новых потоков крови на фронтах войны. Он совершенно открыто говорил о том, что Россия должна дать побольше пушечного мяса, так как за это царское и буржуазное правительство получило деньги. К тому же он повторял, что союзники готовы свято выполнить все свои обещания и позволят буржуазной России грабить те места и области, которые были обещаны в свое время царской самодержавной России.

В результате всего этого временное буржуазно-помещичье правительство стремилось к продолжению империалистической войны. Рабочие и крестьянские массы демонстрировали неоднократно свою волю положить конец империалистической бойне, а в то же время Милюков и другие представители Временного Правительства сообщали «союзникам» о том, что они будут вести войну «до победного конца».

Рабочие и крестьяне отказывались воевать, а в то же время Керенский и его помощники гнали все новые полки на убой, вводили полевые суды и смертную казнь для тех солдат, которые не хотели воевать и отказывались проливать свою кровь для тех

целей и задач, которые ставила российская буржуазия.

Русские богачи и Временное Правительство в это время заявляли о том, что необходимо завоевание всех тех областей, которые обещаны были царскому правительству. Рабочие и крестьяне говорили о том, что им никаких областей и земель не нужно, что они хотят мирной жизни, стремятся к тому, чтобы мирно устроить дела революционной России, а помещики и капиталисты во главе с Временным Правительством гнали их на новую бойню.

Коренным требованием революции 1917 г. было прекращение войны, а между тем буржуазия, преисполненная надеждами на то, что удастся очень много захватить в результате бойни, стремилась вести войну с новой энергией.

Завоевания рабочих и намерения промышленников.

Одним из требований рабочих в революции было сокращение рабочего дня и улучшение их общего положения. Петроградский Совет Рабочих Депутатов вслед за февральской революцией добился того, что был уста-

новлен 8-часовой рабочий день. Промышленники не посмели сопротивляться. Выступление рабочих было слишком сильным, стихийным и могучим для того, чтобы ему противиться. С болью в сердце и затаенной мыслью о мести буржуазия согласилась на эту уступку. Она великолепно понимала, что вооруженный рабочий класс не вернется в ту капиталистическую каторгу, которая была в России до революции. Во время революции армия передала рабочим часть своего вооружения, было разобрано оружие из различных арсеналов, разоружена полиция и жандармерия, и потому в руках рабочих было большое количество оружия, которое отнять ни в коем случае буржуазии не удастся. Это обстоятельство и обуславливало уступчивость российской буржуазии, которая согласилась повсеместно на установление 8-часового рабочего дня.

Следующим основным требованием победивших в февральской революции рабочих масс, было тробование о введении рабочего контроля на фабриках и заводах. Это требование было направлено на то, чтобы обеспечить за рабочими массами по возможности большее влияние на жизнь и ра-

боту промышленных предприятий. Рабочие великолепно видели, что под руководством промышленников и капиталистов идет не работа, а постепенный развал. Как будто бы осталось все по-старому, все на месте, а между тем чувствовался развал: не хватало сырья, топлива, денег и пр. Они совершенно таинственно и непонятно куда-то исчезали и увозились. Рабочие видели, что администрация не вмешивается в жизнь предприятий. Директора и инженеры ходят сонными и ведут себя таким образом, как будто бы жизнь предприятий их не касается. Им очень не нравилось возникновение фабрично-заводских комитетов, которые оказывали все более крупное и серьезное влияние на жизнь фабрик и заводов. Они соглашались их использовать для того, чтобы посылать их представителей за деньгами в банки, для переговоров с правительством насчет повышения себестоимости заказов и для других такого же рода «коммерческих» дел. Эти люди неоднократно повторяли, что рабочие добрались до власти, оказывают крупное влияние на дела фабрик и заводов и пускай теперь хозяйничают в промышленных предприятиях.

В то же самое время они подготовляли колоссальный всероссийский локаут. Особенно энергично его подготовляли в тех местах, которые были далеко от центра, например, в Донецком бассейне или на Урале.

В Донецком бассейне имелись наиболее сильные и организованные промышленники, связанные в единую крепкую организацию, съезд горнопромышленников Юга России. Это были представители французского, бельгийского, английского и русского капитала, знающие, что им нужно и к чему они стремятся. Видя постепенное усиление рабочих организаций, влияние фабрично-заводских комитетов, их стремление устранить развал и разруху в промышленных предприятиях, т. е. стремление парализовать деятельность с'езда промышленников, эти господа разослали циркулярное предписание всем своим организациям в сентябре—октябре 1917 года начать локаут, прежде всего шахтеров и металлистов Донбасса.

В этом циркуляре говорилось о том, что необходимо положить предел рабочей анархии, вмешательству рабочих в жизнь фабрик и заводов, устранить по возможности 8-часовой рабочий день, словом завести такие

порядки, которые издавна существовали на российских фабриках и заводах.

Рабочий контроль.

Рабочие считали рабочий контроль одним из завоеваний революции и ни в коем случае от него отказаться не хотели. Съезды и совещания фабрично-заводских комитетов, а также низы профессиональных союзов высказывались за рабочий контроль. Наоборот, верхи профессиональных союзов, захваченные меньшевиками и эс-эрами, министерство труда, находившееся в руках меньшевиков, высказывались очень резко и энергично против рабочего контроля, доказывая, что он приведет к самым плачевным последствиям для жизни фабрик и заводов. В своих партийных выступлениях меньшевики и эс-эры также метали гром и молнию на рабочий контроль, доказывая, что он может развалить промышленность, и что они будут бороться против него всеми силами.

Только наша большевистская организация, во главе с т. Лениным, высказывалась очень определенно и решительно за рабочий контроль. Тов. Ленин написал целый ряд

статей, посвященных этому вопросу. В них он говорил, что промышленная и хозяйственная разруха увеличивается и усиливается с каждым днем. Развал становится все более серьезным и глубоким. Голод усиливается; фабрики начинают приостанавливаться; растет безработица, которая усиливается еще благодаря тому, что с фронта вернулось огромное количество солдат, которые там не хотели оставаться. В то время, когда у власти стоял Керенский, в июле-августе 1917 года, число дезертиров составляло около 3 миллионов человек, при чем большинство из них искало работы в городах. Промышленный кризис все усиливался и обострялся. В банках шло сплошное хозяйничанье буржуазно-капиталистических элементов. *Противопоставить всему этому можно было только рабочий контроль.* Во время революции он родился совершенно стихийно в глубине рабочих масс и был вынесен на революционную поверхность.

Что значил в тот период времени рабочий контроль? Он должен был ограничить самодержавную власть промышленников и капиталистов на фабриках и на заводах, а в то же время подготовить рабочие массы к тому,

чтобы разбираться в фабрично-заводской жизни, в управлении предприятиями, руководстве его работой, определении себестоимости изделий и т. д. Рабочий контроль должен был подготовить пролетарские массы к тому, что фабрики, заводы и промышленные предприятия в конечном итоге перейдут в их руки. *С этой точки зрения рабочий контроль был школой, которая должна научить рабочих управлять промышленностью.*

Некоторые рабочие смотрели на рабочий контроль, как на средство ограничить власть богачей и промышленников навсегда и неизменно. В этом отношении они допускали крупную ошибку: богачи слишком организованы, слишком подготовлены и умны для того, чтобы не обойти рабочих в их стремлении наложить руку на управление предприятием и на желание контролировать производство. Рабочий контроль следовало рассматривать только, как ступень и подготовительную школу к рабочему управлению. Именно так понимала его большевистская партия. Точно так же понимали его наиболее дальновидные и умные представители промышленников. Именно поэтому рабочие массы так боролись за рабочий контроль,

а промышленники старались изо всех сил его не допустить.

Февральская революция выдвинула очень крупные пожелания рабочих в экономической области. Становилось совершенно ясно, что она не только уничтожила самодержавие, не только разогнала царских чиновников, но в то же время стремится провести глубокие преобразования в области хозяйственных отношений. Однако, те элементы, которые стояли у власти, не способны были понять стремлений трудящихся и провести в жизнь. Необходимо было управлять промышленностью, снабжать хлебом и продовольствием широкие массы, регулировать работу фабрик и заводов, чтобы они давали изделия не только для фронта, но также для деревни, для крестьянских и рабочих масс. Однако, те партии, которые стояли у власти, сначала чисто-буржуазные, а затем вместе с меньшевиками и эс-эрами не понимали этой основной мысли, этой чрезвычайно важной задачи, и все шло по старому. В деятельность фабрик и заводов никто не осмеливался вмешиваться. Были созданы учреждения, которые очень много говорили по этому вопросу, но ничего абсолютно не делали и

не сделали. Дальше бумажных резолюций они не шли.

Правительство состояло из представителей помещиков, капиталистов и богачей. Правительство ни одного слова не хотело сказать буржуазии по поводу общих дел, не пробовало вмешиваться в управление промышленными предприятиями и предполагало, что все будет делаться само собой.

Учредительное Собрание.

Наконец, еще одно очень важное требование выдвинуто было революцией—это созыв Учредительного Собрания, которое должно было установить политические порядки и закрепить завоевания февральской революции рабочих и крестьян. Очень многие ждали этого Учредительного Собрания, как спасения, как чуда, при котором будут заведены образцовые порядки. Однако буржуазия, меньшевики и эс-эры созыв этого Учредительного Собрания всячески оттягивали. Они собирали своих ученых, которые заседали целыми месяцами и придумывали всякие средства для того, чтобы возможно полнее разрешить всевозможные вопросы. Они думали

о том, чтобы в выборах принимало участие все население до последнего человека. Это казалось очень хорошим, но на самом деле за красивыми фразами скрывались нехорошие поступки. Дело в том, что, таким образом, буржуазия, меньшевики и эс-эры, успевшие хорошо спеться за это время, хотели удержать как можно дольше власть в своих руках, и не допустить разрешения тех больных и острых вопросов, которые выдвигала рабочая и крестьянская масса.

Рабочих и крестьян несомненно интересовал вопрос о свободе собраний, союзов, печати, слова и проч., это все было в известном смысле разрешено февральской революцией, но в еще большей степени их интересовал вопрос относительно земли, рабочего контроля, законодательного закрепления 8-часового рабочего дня, широчайшего страхования рабочих от болезни, инвалидности, старости и проч. Однако, Временное Правительство сознательно затягивало разрешение всех этих вопросов.

Крестьянам говорили о том, что с землей они могут и должны подождать. Виктор Чернов, один из вождей эс-эров, был сделан министром земледелия, и он все время призы-

вал крестьян ждать Учредительного Собрания. Когда рабочие требовали закрепления 8-часового рабочего дня, как закона, им говорили также, что необходимо подождать созыва Учредительного Собрания, которое одно только в праве разрешить подобные вопросы.

В то же время правительство очень боялось созвать Учредительное Собрание. Ведь тогда пришлось бы разрешить все наиболее важные и острые вопросы, в том числе вопрос о войне. Широчайшие массы населения воевать не хотели. Их не интересовало завоевание Константинополя, проливов, Персии, Турции и Галиции. Массы проливать кровь за это не хотели и стремились к миру. Учредительное Собрание, даже созванное буржуазией, в значительной степени подтасованное, могло все-таки высказаться за прекращение войны, за конфискацию земли и т. д. Поэтому правительство предпочитало затягивать его созыв, откладывая его на все более отдаленное время.

Углубление революции.

Что же сделала февральская революция?

Она свергла царское правительство, разо-

гнала его министров, рассадила по тюрьмам, уничтожила охранку, полицию, жандармов, но в то же время всю власть передала в руки помещиков и капиталистов. В первый период революции они крепко встали у власти, затем они привлекли меньшевиков и эс-эров, которые считали, что необходимо продолжать войну, и тем самым затянуть разрешение наиболее важных вопросов.

Во Временном Правительстве происходили всякие изменения. Оно вело все-таки одну и ту же политику. Это была политика буржуазии, которая считала необходимым от времени до времени сделать кое-какие уступки рабочим и крестьянам, но отнюдь не думала о разрешении наиболее важных вопросов.

В то же самое время рабочие и крестьянские массы ждать не хотели. Они считали, что революция совершена не для того, чтобы потом продолжалась война и проливались потоки крови за те земли, которые хотелось завоевать российской буржуазии. Крестьянские массы считали, что настал момент, когда можно будет, наконец, получить землю. Многие десятилетия крестьяне

боролись за эту землю и теперь, по их мнению, нечего откладывать. Незачем ждать Учредительного Собрания: крестьяне и без него сумеют взять землю и поделить. Особенно сильно чувствовали рабочие массы, что их волю подменили. Революция далась им особенно дорогой ценой. До нее они страдали и голодали, во время ее погибали, а затем должны были смотреть на то, как у власти встали Львов, Милюков, Гучков, Терещенко и многие другие, которых они по справедливости считали своими классовыми врагами. От них добра они ожидать не могли. Война затягивалась: не видно было конца и края ее.

Все это великолепно видела наша большевистская организация во главе с Владимиром Ильичем. Необходимо было массам разъяснить все то, что произошло. Рабочие и крестьяне боролись за мир, а вместо этого попрежнему продолжалась бойня. Рабочие и крестьяне боролись за землю, за фабрики, за свое рабочее управление, а между тем все осталось по-старому, стояли у власти помещики и капиталисты, которые делали то, что им было угодно и удобно. Некоторое время массы верили обольстительным словам

и обещаниям меньшевиков и эс-эров. Надо было эти массы переубедить. И вот в это время наша большевистская организация вела огромную работу по просвещению рабочих и крестьянских масс. На тысячах митингов и собраний рабочим и крестьянам, солдатам и казакам разъясняли смысл происшедшего, рассказывали о том, что революцию совершили рабочие и крестьяне, а пользуются ею богачи и помещики. Десятилетиями эти классы стремились к власти, теперь они эту власть получили.

Разумеется, богачи хотели бы взять обратно все завоевания, которых добились рабочие и крестьянские массы во время революции. Они всячески пытались ограничить свободу слова, собраний, союзов, мешали организации солдат, не допускали в казармы наши большевистские воззвания, но, несмотря на это, революционная мысль туда проникала.

Положение буржуазного и социал-соглашательского правительства было сравнительно очень трудным. Оно не могло сразу взять назад тех завоеваний, которые были сделаны рабочими массами во время революции. Это давало возможность массам орга-

низоваться, собирать силы и готовиться для следующих выступлений. К тому же рабочие и крестьяне в это время были вооружены. Это вооружение не удалось отнять у рабочих даже после первого неудачного выступления в июле 1917 года. В этом выступлении рабочие и революционный гарнизон Петрограда пробовали свои силы, пробовали достаточно ли сильно Временное Правительство. В то же время это выступление показывало, насколько глубоко в рабочую и крестьянскую массу проникало недовольство существующими порядками. Это выступление доказывало, что борьба классов сильно обостряется, и что ее не удастся замазать громкими и пышными фразами, которые произносились меньшевиками и эс-эрами.

К тому же времени относятся и первые крестьянские выступления. *Крестьянство видело, что царское правительство устранено, а земли крестьяне не получают.* Дело затягивается. Они ждать не хотят, и вот в июле-августе 1917 года происходит целый ряд крупных крестьянских выступлений. Крестьяне начинают такую же борьбу, какую они вели в 1905 году. Они жгут помещичьи усадьбы, сгоняют их с насиженных гнезд,

разбирают помещичье богатство. В 1905 г. в руках правительства была крупная сила, при помощи которой подавлялось крестьянское движение. Это была забитая, покорная, серая армия, которая беспрекословно выполняла все то, что ей велели. *В 1917 году в руках Временного Правительства такой армии не было.*

Армия, пережившая ужасы империалистической бойни, пережившая революцию, получавшая на-ряду с буржуазными и социал-соглашательскими газетами также и большевистские газеты, армия, ставшая более сознательной, разумеется, не пошла бы на усмирение крестьянского движения. Правительство могло только обращаться к крестьянам с предложением земель не забирать, но, естественно, этого никто не послушал. Движение началось, стало очень сильным и могло прекратиться только тогда, когда были бы устранены причины, его вызывающие, т. е. когда помещики были бы согнаны с земли, и эта земля была бы передана крестьянской массе.

Советы—орган власти.

По всем направлениям вела глубокую и серьезную работу наша большевистская пар-

тия. Она разъясняла рабочим и крестьянам необходимость бороться за прекращение войны, говорила о необходимости завоевать землю, революционной борьбой закрепить те завоевания, которые были сделаны февральской революцией. Наша агитация становилась все более упорной. Если в феврале месяце у нас было мало сторонников, если первый Петроградский совет в подавляющем большинстве состоял из меньшевиков и эсеров, которые не давали нам говорить, то постепенно революционная работа среди солдат и рабочих приводила к тому, что они переизбирали своих делегатов, и посылали в Советы все более революционных представителей, которые стояли на революционной позиции.

В февральские и мартовские дни социал-соглашатели сфабриковали такой совет, что он не мог иметь серьезного значения для революционного дела. Массовый орган, опирающийся на сотни тысяч организованных рабочих и крестьян, сделался каким-то придатком к буржуазному правительству. Он иногда исправлял те или иные шаги, которые делала буржуазия, помешал ей договориться с Николаем II, не допустил того,

чтобы царская семья уехала в Англию, провел 8-часовой рабочий день, но все это было сделано в первые дни революции, когда возбуждение огромных масс было еще очень сильным и когда противодействовать рабочим и солдатам не смело буржуазное правительство. Однако, с течением времени значение совета начинает все больше падать. Меньшевики и эс-эры превращали его постепенно в такой орган, который ничего не мог сделать, низводили его на такую же роль, какую впоследствии играли советы в Германии и Польше, где буржуазия лишила их всякого значения. Наоборот, наша большевистская организация все время проводила мысль о том, что Советы во всей России должны приобретать все большее значение и что они могут и должны в конечном итоге добиться того, чтобы вся политическая власть перешла к ним.

Именно таким образом и оценивал значение советов т. Ленин еще в 1905 г., когда они впервые организовались. В 1917 году они покрыли всю страну, завязали очень крепкие связи друг с другом, и в таких условиях должны были стремиться к тому, чтобы стать в полном смысле этого слова орга-

нами власти и провести те мероприятия, которые необходимы для рабочих и крестьянских масс.

В период времени с февраля по октябрь 1917 г. стало совершенно ясно, что завоевания рабочих могут укрепиться только в том случае, если возьмут власть в свои руки Советы Рабочих Депутатов. Крестьяне получат землю только тогда, когда пойдут вместе с рабочими и Советами против буржуазии и всяких создаваемых ею правительств.

С течением времени выступали две силы: с одной стороны помещики, буржуазия, промышленники, торговцы, меньшевики и эс-эры, которые старались подорвать и уничтожить революцию и ее завоевания, с другой стороны все более широкие массы рабочих и крестьян, которые объединялись для совместных действий.

У буржуазного правительства становилось все меньше сил для того, чтобы вести борьбу с народом. На ее стороне были казацкие и офицерские части, были юнкера, но это не была крупная сила, которую можно было противопоставить народу. Рабочие и крестьянские массы были вооружены, и

это давало им воможность добиться вооруженной рукой тех завоеваний, которые они считали необходимыми.

Временное Правительство великолепно понимало ту громадную опасность, какую представляла агитационная работа среди масс. Рабочие и крестьяне организовывались, использовывали те завоевания, которые были сделаны во время февральской революции и которые буржуазия не могла уничтожить.

Рабочие и крестьянские массы должны были революцию продолжать. Правда, было устранено самодержавное правительство, но вместо него возникло новое буржуазно-помещичье правительство; не было тех грубых форм власти, к которым прибегало старое дореволюционное правительство, не было, может быть, такого грубого гнета, который царствовал во всей России до февральской революции, но у власти стала буржуазия, богачи и капиталисты, которые не хотели выполнить ни одного из основных требований рабочих и крестьян.

Те причины, которые вызывали революцию 1905 года и Февральскую революцию 1917 года, остались в силе. Было совершен-

но ясно, что буржуазия ни одной уступки не сделает, и все они должны быть вырваны у правительства силой и ценой крупных жертв.

Российская буржуазия после революции 1905 года начала организоваться. Она создала много организаций, но все же ее организации, всевозможные советы съездов, общества заводчиков и фабрикантов не были особенно сильными, и во всяком случае были значительно слабее, чем в Западной Европе. Буржуазия воспользовалась февральской революцией для того, чтобы захватить власть. В этом никто ей не помешал. Восемь месяцев своей власти—с февраля по октябрь она употребила для того, чтобы организоваться. Однако, в тот же период времени совершалась грандиозная работа по организации рабочих и крестьян.

Российская буржуазия была заинтересована в том, чтобы сохранить свои старые позиции, не удовлетворить тех требований экономического характера, которые предъявляли рабочие и крестьяне, так как эти требования сводили на нет ее власть и преобладание. Она понимала, что неизбежна борьба, но для этой борьбы она не имела

достаточно крупных и надежных сил. Вследствие этого она и не могла удержаться у власти.

Особенно быстрая и успешная организация ее сил и сплочение контр-революционных отрядов начались только тогда, когда политическая власть, а в значительной части также и экономическое преобладание, были вырваны из их рук. Тогда буржуазия оценила во всем объеме громадную опасность, создала вместе с помещиками, кулаками, офицерством и деклассированной интеллигенцией контр-революционные армии, которые наступали на Советскую власть со всех сторон при самой активной помощи со стороны иностранного капитала.

Империалистическая война, а вслед затем Февральская революция обострила все классовые противоречия. Она поставила на очередь дня ряд вопросов, требуя немедленного их разрешения. Благодаря тому, что рабочие и крестьянские массы обеднели и обнищали во время войны, что они принесли колоссальные жертвы, их выступление и их основные и главные требования сделались особенно бурными. К тому же было устранено царское правительство, полиция и те

органы власти, которые боролись с революционным движением. Буржуазия важнейших задач момента разрешить не могла. С другой стороны она не имела достаточных сил, не успела их сорганизовать в течение восьми месяцев для того, чтобы двинуть их против рабочих и крестьян. Для того, чтобы довершить революцию, довести ее до конца, осуществить требования рабочих и крестьян необходимо было иметь твердую руководящую сильную организацию. Этой организацией сделалась с одной стороны наша большевистская партия, а с другой стороны Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, которые все больше усваивали мысль, что только революция, направленная против буржуазии, вырывающая из ее рук политическую и экономическую власть, может разрешить все больные вопросы.

К этой новой революции готовились рабочие и крестьянские массы и особенно наша большевистская партия.

Февральская революция очистила путь для последовавшей за ней Октябрьской революции. Она ослабила буржуазию, сорганизовала массы, эти массы вооружила, от-

крыла огромные возможности революционной работы среди масс, которой мы не могли вести в таких широких размерах при существовании самодержавия. Наша революционная агитация вышла на поверхность. Мы ее вели совершенно открыто, правда, подвергаясь от времени до времени преследованиям буржуазии.

Буржуазное правительство иногда нападало на наши газеты, закрывало их, громило партийные организации после июльских дней, но тем не менее революционная работа продолжалась; наша партия подготовляла неизбежное столкновение между народными массами и буржуазией и делала все для того, чтобы оно закончилось победой народа.

Февральскую революцию мы должны были пережить, как определенный этап, как ступень в нашей работе. Она подготовила наступление Октябрьской революции, и именно поэтому она получила большое и серьезное значение. Однако, только Октябрьская революция могла разрешить те крупные и сложные вопросы, которые были выдвинуты российской жизнью за последние десятилетия.

IV.

Что дала Октябрьская революция.

Власть Советам.

Февральская революция поставила в высшей степени определенно перед рабочими и крестьянскими массами все те вопросы, которые выдвинулись в предыдущие годы.

Свержение самодержавия совершилось во время февральской революции. Этим самым был разрешен целый ряд вопросов, которые стояли вообще перед революцией. Многое оставалось еще доделать. Мы видели уже, что крестьянские массы упорно стремились к земле, но этой земли они не получали в процессе революции. Перед рабочими массами все время стоял настоятельно вопрос о будущей борьбе с капиталистами и помещиками.

Февральская революция расчистила путь для дальнейшей борьбы, но перед страной все еще стояли грандиозные задачи.

Общее развитие России настоятельно требовало уничтожения всех пережитков прошлого в деревне, но они оставались в силе до тех пор, пока не была забрана земля у помещиков. Наиболее острые вопросы рабочей жизни также не могли быть разрешены до тех пор, пока у власти стояли помещики и капиталисты.

Во время революции выяснилось, что Учредительное Собрание, в состав которого будет входить буржуазия, даже если бы оно было своевременно созвано, не сделает ничего для разрешения этих важных вопросов, особенно социальных. К тому же его чрезвычайно трудно совместить с существованием Советов. Допустим, что Учредительное Собрание было созвано, что же тогда должны были делать Советы Рабочих и Солдатских Депутатов? Отдать всю политическую власть Учредительному Собранию, а самим заняться только экономическими вопросами? Но ведь теми же вопросами занималось бы Учредительное Собрание, напр. вопросом о распределении земли. При созыве Учредительного Собрания и при полноте его власти, Советы превратились бы в ничего незначащий придаток, по образцу

Германии, где они постепенно сведены на нет. Создать параллельно две власти— Учредительного Собрания и Советов—не представляется нужным и даже возможным. Опыт последних месяцев существования Временного Правительства в августе, сентябре и октябре 1917 года убедительно доказывал, что две власти существовать параллельно не могут.

Наша партия, а с ней и рабочие массы, считали Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов за более высокую форму власти по сравнению с Учредительным Собранием. Это была бы власть рабочих и крестьян, которая и могла бы провести в жизнь такие постановления, которые больше всего отвечали интересам и запросам рабочих и крестьянских масс.

К октябрю месяцу 1917 года определенно выяснилось то, что сознательная часть рабочих и крестьян стремится к установлению власти Советов. Никаких промежуточных органов власти рабочим и крестьянам не нужно, необходимо добиться только того, чтобы мысль о советской власти наиболее глубоко проникла в сознание масс. Колоссальную работу в этом отношении продела-

ла большевистская партия. В городах, деревнях, на фронте она убедила рабочие и крестьянские массы в том, что только таким образом можно добиться разрешения важнейших вопросов жизни. К моменту Октябрьской революции вся Россия распалась на два лагеря: рабочие, крестьяне, бедняки, а частично также и середняки стояли за власть Советов, а все богачи, помещики, капиталисты, торговцы, буржуазия, значительная часть интеллигенции, офицеры стояли за Временное Правительство и власть Учредительного Собрания, в котором буржуазия имела бы преобладание.

Подготовив надлежащим образом массы, проведя колоссальную просветительную и организационную работу, наша партия и возглавляемые ею Советы должны были итти на новую революцию. Ждать было нельзя, потому что буржуазия тоже не дремала, собирала силы, организовывалась. Она могла напасть на рабочие организации, разгромить советы по-одиночке, и таким образом разбить рабочее и крестьянское движение.

В таких условиях произошла Октябрьская революция.

Какие цели она ставила перед собою? Прежде всего она стремилась к тому, чтобы установить власть Советов. Это необходимо для того, чтобы и февральская и октябрьская революция были совершены в интересах народных масс. До этого все революции, за исключением Парижской Коммуны во Франции в 1870 г., совершались только в интересах владетельных классов—богачей и буржуазии. Рабочие боролись, умирали на баррикадах, а власть получала буржуазия. Тоже самое произошло и у нас после Февральской революции. *Октябрьская революция вырывала эту власть у буржуазии и передавала ее целиком в руки рабочих и крестьян.*

Было совершенно ясно, что буржуазия без боя не сдастся, что она соберет войска, сорганизуется, даст средства для борьбы с рабоче-крестьянской властью. Поэтому необходима диктатура, чрезвычайно твердая и жестокая даже власть, которая расправится с враждебными людьми, а колеблющиеся элементы заставит подчиниться большинству населения, которое эту революцию проводит.

Поэтому Октябрьская революция и про-

ходила под лозунгами—передачи всей власти Советам. *Они одни только могут разрешить те крупные задачи, которые стояли перед революцией в России.* Какие же постановления вынесло новое правительство—Советское, рабоче-крестьянское, на первых же шагах своей деятельности? Рассмотрение этих вопросов сразу показывает, как это правительство стремилось удовлетворить запросы рабоче-крестьянских масс. Оно опубликовало три наиболее важные декрета сразу же после установления своей власти—декрет о мире, о земле и о рабочем контроле.

Что говорит каждый из них?

Мир стране.

Рабочие и крестьянские массы невероятно устали от войны. Уже в Февральскую революцию они требовали мира. Первомайская демонстрация 1917 года прошла всецело под лозунгами мира. Все выступления рабочих, крестьян и солдат требовали прежде всего мира. Между тем Временное Правительство, подчиняясь всецело русским и иностранным богачам, войну затягивало

до бесконечности. Потоками лилась кровь; совершенно бесцельно погибали тысячи и десятки тысяч рабочих и крестьян России, а до мира было так же далеко, как и в 1916 году. Советское правительство с первых шагов своей деятельности заявило, что оно не считается со всеми обещаниями царского правительства, что оно не намерено соблюдать всех тайных договоров, заключенных различными грабительскими правительствами, что оно само выходит из войны и предлагает поступить так же всем другим правительствам.

Было совершенно ясно, что империалистические правительства не пойдут за этими лозунгами и призывами. Закончить войну без грабежей, без насилий друг над другом, без перераспределения колоний они не могли и не хотели. *Не на правительства рассчитывало обращение Советского правительства, а на народные массы.* Советское правительство хотело показать, и оно действительно доказало массам, измученным войной, что из этой войны может быть выход в революционной борьбе, в победе над собственным правительством и буржуазией, в разрешении тогда всех больных и наиболее

острых вопросов. Обращаясь к правительствам с предложением мира, в то же время публикуя тайные договоры, заключенные правительствами и буржуазией разных стран, Советское правительство наносило смертельный удар войне и приближало ее революционное окончание. С этой точки зрения было сделано в октябрьские дни чрезвычайно много для прекращения нелепой, преступной борьбы и колоссальных кровопролитий.

Сейчас, спустя несколько лет после окончания войны, можно совершенно определенно сказать, что война была убита в тот момент, когда у власти встало рабоче-крестьянское правительство и когда оно повело энергичную политику мира. После этого война еще могла продолжаться, но народные массы во всех воевавших странах все в большей степени убеждались в лживости своих правительств, которые говорили о желательности мира, клялись всюду его именем, а на самом деле затягивали войну, которая становилась все более кровопролитной и жестокой.

Начиная империалистическую войну, все правительства говорили о том, что они не

стремятся к завоеваниям, что они хотят «честного» и «справедливого» мира. Если бы они не были грабителями и обманщиками, то мир могли бы заключить сейчас же после нашей Октябрьской революции. Однако, им всем необходима была победа, а тем самым и ограбление своих противников. Поэтому они продолжали кровавую международную бойню.

Буржуазные правительства Англии, Франции, Соединенных Штатов и других стран были чрезвычайно недовольны, что Россия выходит из войны, и что они, таким образом, лишаются тех 15 миллионов солдат, которые сражались на так называемом восточном фронте и оттягивали многие корпуса немецкой армии. Поэтому все буржуазные «союзнические» правительства стремились во что бы то ни стало заставить Россию воевать. Если Советское правительство не согласно быть поставщиком пушечного мяса для англо-французских империалистов, то тогда его необходимо свергнуть—так они рассуждали. Для этого организовались белые правительства,—создавались заговоры внутри страны, оказывалась помощь войсками и дессантами, при-

мером чего может служить союзнический дессант (отряд) на севере, организация чехо-словацких и польских легионов на Волге и в Сибири. Союзниками делалось все для того, чтобы сохранить многочисленную армию и продолжить войну на востоке Германии, заставить рабочих и крестьян России сражаться и погибать за чуждые русскому народу интересы английской буржуазии.

Земля крестьянам.

Даже если бы не последовали другие постановления Советского правительства, которые затрагивали интересы международной буржуазии, то она продолжала бы бороться против Советского правительства, так как оно отказывалось воевать и давать пушечное мясо. Однако, кроме того Советское правительство проводило законы, в корне враждебные интересам международной буржуазии. Здесь прежде всего следует иметь в виду закон о земле.

Как известно, крестьянские массы в течение многих поколений стремились к завоеванию земли. Этой земли крестьянство не получило в 1905 году. Во время февраль-

ской революции 1917 года крестьянам землю обещали, но предлагали ждать ее до бесконечности, пока мудрили и хитрили представители буржуазии, помещиков и социал-соглашателей. Октябрьская революция разрешала сразу и решительно этот вопрос. В первом же декрете о земле, принятом в день Октябрьской революции, говорится о том, что все помещичьи земли конфискуются и безвозмездно передаются крестьянству, которое должно эту землю получить и приступить к ее обработке.

Таким образом, был решительно на практическую почву поставлен этот вопрос. Крестьянство веками стремилось к земле, и теперь эту землю получило из рук побеждающей революции, совершенной рабочими и крестьянами. В результате этого устанавливается необходимая связь между рабочими и крестьянами.

Крестьяне поняли, что землю им дала революция, и в результате этого они изо всех сил защищали Октябрьскую революцию в наиболее тяжелые моменты, когда на нее надвигались вооруженные помещики, капиталисты, их армии и наемные полки западно-европейских богачей и капиталистов.

Они усвоили также мысль, что поражение этой революции приведет к тому, что земля будет отнята капиталистами и богачами.

Октябрьская революция завершает таким образом то, что подготовила революция 1905 года, а затем февральская революция 1917 года.

Последняя расчистила путь для Октябрьской победы. Само собой разумеется, что, если бы сохранилось старое самодержавное правительство, было бы гораздо труднее провести революцию в земельных отношениях. *Таким образом, Февральская революция в этом отношении имела крупное значение, ослабив власть помещиков, буржуазии и правительства.*

От рабочего контроля к рабочему управлению.

Третьим постановлением, какое было принято непосредственно после победы Октябрьской революции, был декрет о рабочем контроле. При власти Временного Правительства, с марта по Октябрь 1917 года, по этому вопросу шла упорная борьба меж-

ду капиталистами, социал-соглашателями и правительством с одной стороны и рабочими массами с другой.

Рабочие великолепно понимали значение рабочего контроля для борьбы с разрухой, с развалом, для установления рабочей власти на фабриках и на заводах. В это время широчайшие рабочие массы поняли необходимость осуществления рабочего контроля. Была тогда же расшатана власть буржуазии. Она не могла так энергично сопротивляться, и потому рабочий контроль мог быть декретирован и постепенно проведен в жизнь.

Правда, богачи и капиталисты попробовали сопротивляться. В ноябре—декабре месяце 1917 года они прекратили работу уральских промышленных предприятий, перестали их снабжать деньгами, подорвали их хозяйство. В результате этого Советское правительство должно было действовать гораздо энергичнее и быстрее, чем оно предполагало. Первоначально Советское правительство думало, что рабочий контроль приучит массы рабочих управлять промышленными предприятиями, и тогда можно будет перейти к постепенной конфиска-

ции правительством, как тогда говорилось, к национализации промышленных предприятий. Надо было, чтобы массы рабочих постепенно приучились к хозяйственной работе на фабриках и на заводах, затем надо было подобрать те предприятия, которые наиболее выгодно было бы национализовать в первую очередь—наиболее крупные и мощные, имеющие особенно серьезное значение для жизни и работы всей страны в целом, и тогда приступить к национализации более мелких предприятий.

Борьба богачей и промышленников не дала осуществить этого плана. Они стремились к тому, чтобы Советское правительство уступило, сошло с намеченного пути. Само собою разумеется, сделать этого было нельзя, и пришлось сразу решительно пойти на конфискацию целого ряда промышленных предприятий.

Совершенно естественно, нельзя было подбирать наиболее подготовленных и мощных предприятий, а надо было действовать немедленно для того, чтобы наши враги не могли нам слишком навредить своей борьбой. Этим Советское правительство обнару-

жило свои стремления. Рабочий контроль Советское правительство и рабочие массы рассматривали, как переходную ступень к рабочему управлению. После этого периода репрессий настало более спокойное время деловой работы. В течение нескольких месяцев, вслед за Октябрьской революцией, были подготовлены к их конфискации важнейшие промышленные предприятия. Были созданы рабочие управления, которые и приступили к работе.

Опять-таки этим завершено то, что требовали массы за предшествующий период времени революционной борьбы. Рабочие всегда мечтали о том, что можно устранить предпринимателей и богачей и работать только для себя и своего правительства. Это и было сделано вслед за Октябрьской революцией.

Кроме того, Октябрьская революция незыблемо установила 8-часовой рабочий день, страхование от болезни, инвалидности, старости, безработицы и проч., в виде так называемого социального страхования, за которое долго боролись рабочие массы не только в одной России, но и в западно европейских государствах.

Опять-таки и во всех этих вопросах февральская революция расчистила путь для рабочей борьбы и победы. Предпринимател были обессилены мелкой, незаметной, партизанской борьбой, которую они вели с февраля по октябрь. Февральская революция постепенно подготовляла путь к тому, чтобы промышленные предприятия были конфискованы, перешли в руки народа, чтобы на них установилось рабочее управление. Может быть очень многие и не сознавали того, что с февраля по октябрь велась борьба именно за эти требования. Но на деле так оно и было.

Почему нападали иностранные богачи?

Если предыдущие законы и постановления Советской власти нарушали права капиталистов и богачей в России и отчасти в Западной Европе, то конфискация фабрик, заводов, железных дорог и национализация банков очень серьезно затронула интересы международной буржуазии.

Очень много промышленных предприятий, фабрик, банков принадлежало западно-европейским капиталистам. В их предприятиях

добывалось окол двух третей угля, нефти, железной руды, меди и других богатств. По их подсчетам в наши русские предприятия они вложили около 2½ миллиардов рублей золотом. Между тем пролетарская революция не разбирала, кому принадлежат те или иные промышленные предприятия, фабрики и банки, и все подряд конфисковала, несмотря на их сопротивление и протесты. Чрезвычайно больно революция ударила иностранных промышленников по карману. С русских шахт, заводов и банков они получали такие огромные доходы, о которых им даже не снилось у себя на родине. Поэтому они изо всех сил боролись против конфискации их промышленных предприятий. Именно поэтому англичане все время стремились на Кавказ, где они хотели захватить нашу нефть и другие богатства, французы стремились к Донецкому бассейну, где у них были крупнейшие угольные предприятия, металлургические заводы и проч.

Когда закончилась империалистическая война, когда они окончательно побили немцев, они могли бы еще как-нибудь примириться с тем, что Россия вышла из войны. Но они ни в коем случае не могли примириться

с тем, что были конфискованы их промышленные предприятия и богатства. На всяких мирных конференциях, на которых затем мы встречались с ними, они говорили: «своих русских богачей и буржуев вы можете обижать как угодно, но вы не смеете отнимать капиталов и богатств, которые принадлежат французам, англичанам, бельгийцам и другим иностранным богачам». Они все время требовали от Советского правительства. чтобы оно эти предприятия и богатства им вернуло. Между тем, русские рабочие и крестьяне не за тем совершали великую Октябрьскую революцию, не за тем проливали кровь в 1905 году и в февральские дни, чтобы отдать все завоевания английским, французским и другим богачам. Поэтому наше правительство постоянно заявляло о том, что оно не собирается им платить за конфискованные промышленные предприятия и банки.

Последние представляли из себя места, где были собраны всевозможные денежные средства. Во время войны эти денежные средства употреблялись для спекуляции и наживы. После февральской революции т. Ленин один из первых указывал на то, что банков в руках богачей оставить нельзя.

Банки наиболее подготовлены для их конфискации и управления ими самим народом. С другой стороны в процессе борьбы русской и иностранной буржуазии против советов банки служили как раз местом, откуда контр-революция получала средства для этой борьбы. Поэтому быстро после Октябрьской революции была проведена конфискация частных банков, принадлежащих русским и иностранным богачам и слияние их с единым Государственным банком.

Опять таки и это обстоятельство в огромной степени возбуждало ненависть иностранных капиталистов и богачей к Советской России, так как отбирало у них их богатства. Само собою разумеется, что Советское правительство не думало и не думает банков вернуть иностранным богачам и капиталистам и вознаградить их за то, что они потеряли от нашей пролетарской революции.

Не менее острым был вопрос относительно долгов. Все европейские государства довоевались до того, что они их долги колоссальными. Все они должны столько друг другу, что не могут подсчитать этих сумм,

не могут уплатить даже процентов по всяким займам, не говоря уже о том, что не могут расплатиться друг с другом.

В таком же положении находилось и царское правительство. Оно задолжало громадные суммы, которые оцениваются по внешним и внутренним займам в 80 миллиардов рублей золотом. Само собою разумеется, что таких громадных сумм заплатить ни одна страна, даже наиболее богатая, никогда бы не могла.

Россия страна бедная. Ее громадные запасы и богатства не разрабатывались. Фабрик у нас мало; железных дорог гораздо меньше, чем в других странах, и потому нам справиться с долгами, если бы мы вздумали их платить, было бы очень не легко.

На что были одолжены деньги до войны и во время войны? Царское правительство брало их не для того, чтобы развивать хозяйство страны, а для того, чтобы строить всякие крепости, вооружаться для войны, завоевать новые области и, наконец, для того, чтобы удержать в повиновении широчайшие народные массы. Во время революции 1905 года правительство получило огромные суммы от западно-европейских

богачей, которые и употребило целиком для борьбы с революционным движением, для помощи тем помещикам, которые пострадали от крестьянского движения.

Деньги, получаемые от заграничных богачей, употреблялись исключительно для того, чтобы поддерживать и укреплять царское правительство, а не для народа. Уже до войны около одной трети расходов шло на то. чтобы оплачивать проценты по этим займам. Само собою разумеется, что после войны, во время которой займы увеличились по крайней мере в десять раз, необходимы были бы невероятные суммы для того, чтобы платить займы и проценты по ним иностранным богачам. *Советское правительство заявило о том, что оно этих займов платить не будет*. Иностранные капиталисты и богачи этим возмущены до крайних пределов, так как это наносит удар их интересам, бьет их по карману.

Это постановление советского правительства не является чем-то совершенно новым и неожиданным. Еще в революцию 1905 г. рабочие заявляли, что революционное правительство, которое создастся в результате победы революции, не будет платить по тем

займам, которые заключены были заграницей для подавления революции. Нынешнее заявление Советского правительства только расширяет, дополняет и углубляет постановления Советов Рабочих Депутатов в 1905 году. Кроме того, оно говорит то, что имеется на самом деле. Ни одно правительство в мире не платит своих грандиозных долгов и даже процентов. То, что произошла у нас рабоче-крестьянская революция, отнюдь не является доказательством того, что мы должны заплатить за империалистическую войну, за хозяйничание царя и буржуазии.

Советское правительство отказалось платить по военным и довоенным займам и твердо стоит на этой почве.

В то время когда наше положение было особенно тяжелым, когда на нас наседали враги со всех сторон, когда мы не могли восстановить работы фабрик и заводов, когда всюду был голод, мы готовы были откупиться от нападавших на нас правительств и дорого им заплатить за то, чтобы они оставили нас в покое и позволили нам заниматься мирным строительством нашей страны. Тогда они требовали слишком много,

переоценивали свои силы, недооценивали наших возможностей, и не оказали нам никакой помощи.

Огромное дело восстановления и строительства Советского Союза проделано нашими собственными силами, и сейчас заграничные займы не нужны нам так, как они были нужны в 1920—21 или 22 году. Теперь мы расчитываем все больше сделать своими собственными силами. Поэтому наши представители во время всевозможных переговоров занимают все более твердую и определенную позицию по вопросу о долгах. Нас совершенно не пугает то, что западно-европейские богачи нам денег не дают. *И без их помощи мы строим наш Советский Союз, укрепляем его и делаем все более сильным во всех отношениях.*

Таковы те важнейшие постановления Советского правительства, которые были приняты непосредственно после Октябрьской революции и которые так ненавистны иностранным богачам и капиталистам. После их рассмотрения нам понятно, почему эти богачи на нас нападали, пробовали разгромить Советский Союз силой оружия.

Они убедились в том, что это невозмож-

но, и тогда приступили к мирным переговорам с нами. Результатом этих переговоров явилось восстановление внешней торговли между Советским Союзом и иностранными, буржуазными правительствами. Здесь мы снова провели постановление, которое сильно не понравилось иностранным богачам. *Мы завели у себя так называемую монополию внешней торговли.* Это значит, что единственным продавцом и покупателем на иностранном рынке выступает только Советское правительство.

Мы можем покупать сравнительно немного. Немного также мы продаем, но вся эта торговля совершается только Советским правительством, которое может выторговать для Советского Союза наиболее важные уступки и наиболее льготные условия.

Укрепляем завоевания революции.

Что же дала Октябрьская революция рабочим и крестьянам?

Она установила прежде всего власть Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, т.-е. власть широких народных масс. Советы провели конфискацию земли у помещиков,

и роздали ее крестьянам. Советы конфисковали промышленные предприятия, железные дороги и банки, сделали их собственностью народа. Из этих предприятий часть менее сильных и крупных мы сдаем в аренду отдельным лицам, даже частным торговцам и предпринимателям. Но мы выбираем те, которые имеют по возможности меньшее значение для жизни страны. Таким образом не может возродиться крупная промышленная и торговая буржуазия, силу и власть которой рабочие и крестьянские массы уничтожили во время Октябрьской революции.

Мы отказались, наконец, от уплаты царских долгов, которые легли бы невероятно тяжелым бременем на рабочие и крестьянские массы. В их руках остаются известные суммы и средства, которые они употребляют для развития и расширения своего хозяйства.

Прошло только каких-нибудь 8 лет с момента февральской революции, а уже сделано очень много для того, чтобы закрепить завоевания ее и Октябрьской революции и сделать то, к чему стремились народные массы России во время революции 1905 года и последующих лет.

Помещики, их строй и порядок, пережитки древних отдаленных времен—все это уничтожено окончательно и бесповоротно. Возврата к старому быту и к старым порядкам быть уже не может.

Во всех других отношениях рабочие и крестьяне завоевали чрезвычайно важные позиции, которых мы не сдали даже в самое тяжелое время голода, и, само собою разумеется, не собираемся сдавать сейчас, когда положение стало несравненно гораздо более прочным и устойчивым.

Уроки революции.

Каково в этом отношении значение предшествующих революций 1905 и 1917 г.г.?

Революция 1905 года наметила основные нужды широких масс рабочих и крестьян. Они начали бороться за свои основные требования. На первом плане стоял вопрос о свержении самодержавного правительства, а затем о социальных реформах, о которых говорилось выше. Революция 1905 года оказалась разбитой, но она закалила рабочие массы, поставила перед ними вопрос о новой неизбежной борьбе, приучила их не унывать

от поражений. Кроме того, в процессе ее создалось стальное ядро революции—твердая большевистская партия, которая должна была довести до конца революционное дело.

Перед Февральской революцией 1917 г стояли те же задачи, которые стояли перед революцией 1905 года. К разрешению их она приступила в обстановке очень сложной. С одной стороны война облегчила проведение революции, обострила классовые противоречия, создала революционную обстановку, но с другой стороны она привела к тяжелому длительному обнищанию рабочих и крестьянских масс и в корне подорвала все производительные силы страны. С этим необходимо было считаться.

Сама по себе февральская революция не разрешила этих огромных вопросов. *Она устранила царя, расшатала государственную власть, вырвала из-под ее ног почву, не дала возможности вооружиться для отпора революции и, наоборот, вооружила рабочих и крестьян.* Таким образом, сама не распутывая веками и десятилетиями запутавшихся узлов, она подготовила почву для их разрешения в таком духе, в каком это было необходимо для рабочих и крестьян.

Если в революции 1905 года только начала намечаться необходимость союза между рабочими и крестьянами, который так и не был осуществлен, то в последующих революциях этот союз устанавливался все более определенно и становился все более сильным. Отсутствие смычки между рабочими и крестьянами объясняет поражение революции 1905 года. Выступления были разрозненными, деревня не поддержала города. Революция 1917 года была совершена общими силами. Буржуазия всячески старалась этот союз нарушить и подорвать. Ее агенты всюду кричали о том, что рабочие работают слишком мало времени по сравнению с крестьянами и солдатами; буржуазия старалась посеять рознь между рабочими и крестьянами, и тогда порознь разбить тех и других. Это ей не удалось. Февральская революция успешно была осуществлена, благодаря союзу между рабочими и крестьянами. Этот союз укрепился и усилился к моменту Октябрьской революции. Опять совместные выступления рабочих и крестьян привели к тому, что была одержана новая блестящая победа. После этого наступило очень тяжелое время защиты и

обороны Советской республики от нападающих на нее врагов. Опять-таки совместно выступали рабочие и крестьняе.

Рабоче-крестьянская армия сражалась на фронтах, она создавала своих героев, своих командиров и комиссаров. Она шла от победы к победе через самые жестокие и тяжелые испытания.

В этот период времени наиболее острым вопросом для республики и для Советского строя был вопрос о продовольствии. Предшествующая политика богачей и капиталистов создала то, что Россия, страна в продовольственном отношении в высшей степени богатая, называемая житницей Европы, жестоко голодала. Хлеба неоткуда было получить. Крестьяне сами недоедали, а тем более жестокими были страдания рабочих и Красной Армии. Все же необходимо было хлеб получить, и его должна была дать деревня. В очень тяжелых условиях приходилось хлеб брать у крестьян путем разверстки. В это время даже и мечтать не приходилось о культурном и хозяйственном подъеме деревни, о переходе от традиционного трехполья к лушчим способам обработки земли. Это все было делом будущего, а пока при-

ходилось делать все для того, чтобы спасти страну от голода и справиться как-нибудь с теми огромными задачами, которые вставали перд Советским Союзом в деле его защиты. *Помогла на этот раз также спайка между рабочими и крестьянами.*

Крестьяне давали такое количество хлеба, что могли кое-как просуществовать города, кое-как справлялись с военными задачами красноармейцы. Промышленники и богачи предсказывали нам, что нас задавит «костлявая рука голода», но их предсказания не сбылись.

Если бы в это время крестьяне сознательно не поддержали Советской власти, не отдавали своего хлеба, то дело революции бесспорно погибло бы; восторжествовали бы помещики и богачи, которые снова посадили бы на трон кого-либо из Романовых, и справляли бы кровавую оргию мщения. Это им не удалось благодаря смычке между рабочими и крестьянами.

Гражданская война закончилась. Это позволило приступить вплотную к делу восстановления хозяйства, промышленности, деревни, железных дорог и прочее. Здесь опять подверглось испытанию дело рабочих и кре-

стьян. В новых формах пришлось восстановить смычку, таким образом, чтобы крестьянство получило более широкий интерес для развития своего хозяйства. Крестьянство получило при новой экономической политике возможность торговать своим хлебом. Оно сдает налог государству для обще-государственных нужд, а затем уже совершенно свободно в своем хозяйстве и делает все для того, чтобы его поднять, усилить, сделать лучшим.

До Октябрьской революции никто абсолютно об этом не заботился. Ни помещикам, ни капиталистам, ни царскому или буржуазному правительству не было дела до того, как хозяйничает крестьянин. Помощи ему не оказывали никакой. Советское правительство ставит, как один из очередных наиболее важных вопросов, вопрос о помощи крестьянскому хозяйству в его улучшении и развитии.

Для советского правительства совершенно ясно, что вести хозяйство так, как его вели деды и прадеды, нельзя. Необходимо сделать все для того, чтобы это хозяйство сделалось по возможности лучшим и отвечало тем условиям, на которых стоит кре-

стьянское хозяйство Западной Европы. Вследствие этого все чаще встречаются случаи, что крестьянство переходит к четырехполью, вводит севооборот, осушает болота, орошает свои земли в засушливых местах и т. д.

Крестьянство получило не только землю, но и возможность использовать ее как можно лучше, поставить производство на надлежащую высоту.

Наша промышленность тоже развивается. В 1924 году она дала уже свыше половины того, что давала за довоенные годы.

Нашей промышленности дано определенное задание удовлетворить потребности деревни. Крестьянство должно получить те изделия, машины и предметы, которых оно не получало за предшествующие тяжелые годы. Мы должны все эти изделия дать по наиболее дешевой цене для того, чтобы крестьянство и здесь получило определенную выгоду от совершенных революций.

Мало того, что мы согнали царское правительство, помещиков и богачей, необходимо устроить жизнь таким образом, чтобы она для массы крестьянства не была хуже, чем в довоенное время. Однако, это только

переходная ступень. Мы на этом и не думаем остановиться, мы стремимся к тому, чтобы крестьянское хозяйство и крестьянская жизнь вообще была гораздо лучше, чем за довоенное время.

Этого опять таки можно добиться только путем смычки между рабочими и крестьянами, когда оба эти класса будут работать и строить свою жизнь таким образом, чтобы взаимно дополнять свою деятельность, помогая и поддерживая друг друга.

Может быть, очень медленно, преодолевая крупные затруднения и препятствия, но мы к этому идем. За последние годы мы видим значительное улучшение в положении рабочих и крестьян. И рабочим и крестьянам стало жить легче, чем за тяжелые годы испытаний и борьбы. Однако, мы ни в коем случае не можем сказать, что уже сделано все. *Наоборот, мы только вступили на тот путь, на который стремились стать во время Февральской и Октябрьской революций.* Обе они проводились рабочими и крестьянами для того, чтобы добиться лучшей жизни, чтобы получить возможность устроить ее так, как это необходимо для рабочих и крестьянских масс.

Красная Армия на страже завоеваний.

Нужна еще огромная колоссальная работа. Однако, уже сейчас не подлежит ни малейшему сомнению, что эта работа будет совершена. Правда, буржуазно-капиталистический мир попытается еще не раз помешать нам в этой работе. Он пока ведет переговоры с нами, пытается торговать, устанавливает связь, признает Советскую республику, но нас никогда не обманут такие вещи. Мы великолепно знаем, что все те законы и постановления, которые проводит Советская власть, враждебны капиталистическому строю и капиталистическому порядку. Буржуазия стремится к тому, чтобы уничтожить наши завоевания и достижения. У нее сейчас нет сил для того, чтобы выступить с оружием в руках, как это было в 1918, 1919 и 1920 г.г. Это не уничтожает однако возможности того, что богачи и капиталисты еще не один раз попробуют вооруженной рукой отнять у рабочих и крестьян СССР те завоевания, которые были сделаны во время Февральской и Октябрьской революции.

Поэтому, рабоче-крестьянской России нужно быть всегда наготове для того, чтобы отразить подобные нападения. Мы ни на кого не собираемся нападать, но тем не менее мы держим под ружьем нашу славную Красную Армию, ведем определенную работу среди рабочих и крестьян огромного нашего Советского Союза, проводим всегда мысль о том, что на нас могут напасть.

Каждый, кто осмелится напасть на Советский Союз, всегда встретит вооруженных рабочих и крестьян, которые будут знать и всегда знают, за что они борются, какие интересы они защищают.

Когда наша Красная Армия шла против Деникина, Колчака, Врангеля, буржуазной Польши и всяких других врагов, она знала, что защищает рабоче-крестьянскую Россию, землю для крестьян, фабрики, заводы, железные дороги и банки для всего народа. Точно также и сейчас наша Красная Армия знает, что она защищает. Она стоит на страже тех завоеваний, которые были сделаны революцией и того великого строительства, которое совершается в каждой нашей деревне, городе и в каждом даже захолустье Советского Союза. Кроме того

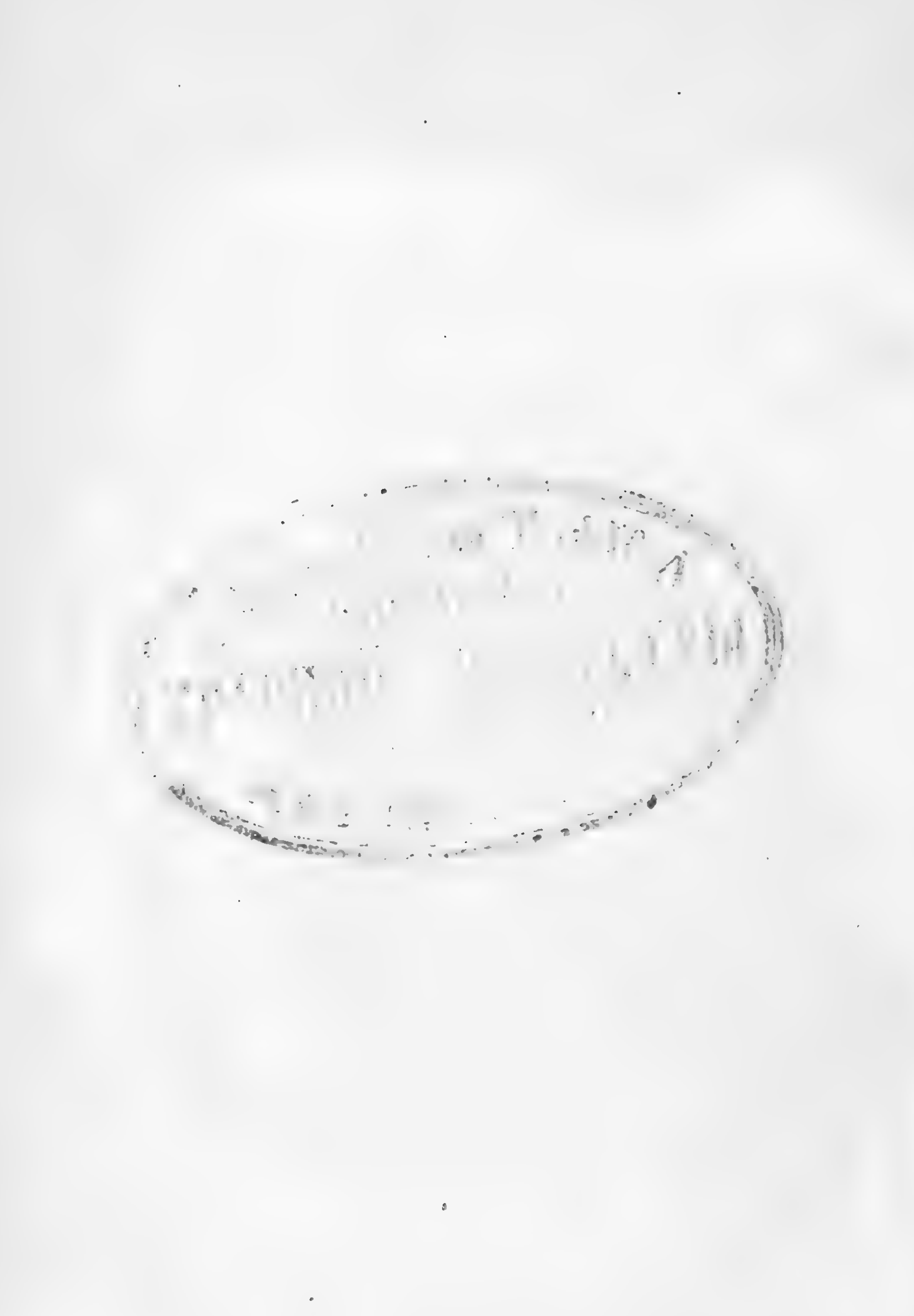
наша Красная Армия знает, что под ее надежной защитой работает штаб мировой революции — Коминтерн, который имеет здесь приют, на территории Союза ведет свою великую работу по руководству мировой революцией.

Во время трех наших революций погибло огромное количество лучших борцов за дело социализма. Они умирали на царской каторге, в тюрьмах и в ссылке, погибали на московских баррикадах в 1905 году, погибали на улицах Петрограда в революционной борьбе февральских дней 1917 года, погибали в славные Октябрьские дни и во время гражданской войны. Все эти жертвы не пропали даром. *Они привели к тому, что победила революция. Своей жизнью они купили возможность великого социалистического строительства, которое совершается в наше время.*

Революции 1905 и 1917 года с ее жертвами и страданиями, а также последующая работа большевистской партии расчистили путь для Октябрьской победы. В этом ее большое значение. По своему она сделала крупное революционное дело, но она не имела бы такого значения, если бы вслед за

ней не пришла Октябрьская буря, уничтожившая власть буржуазии и социал-предателей и установившая рабоче-крестьянскую власть. Эта власть сумела разрешить наиболее важные для рабочих и крестьян вопросы, поставленные предшествующими революциями.

ОГЛАВЛЕНИЕ.



Цена 60 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ЛЕНИНГРАД,

Улица Гоголя, 7.

